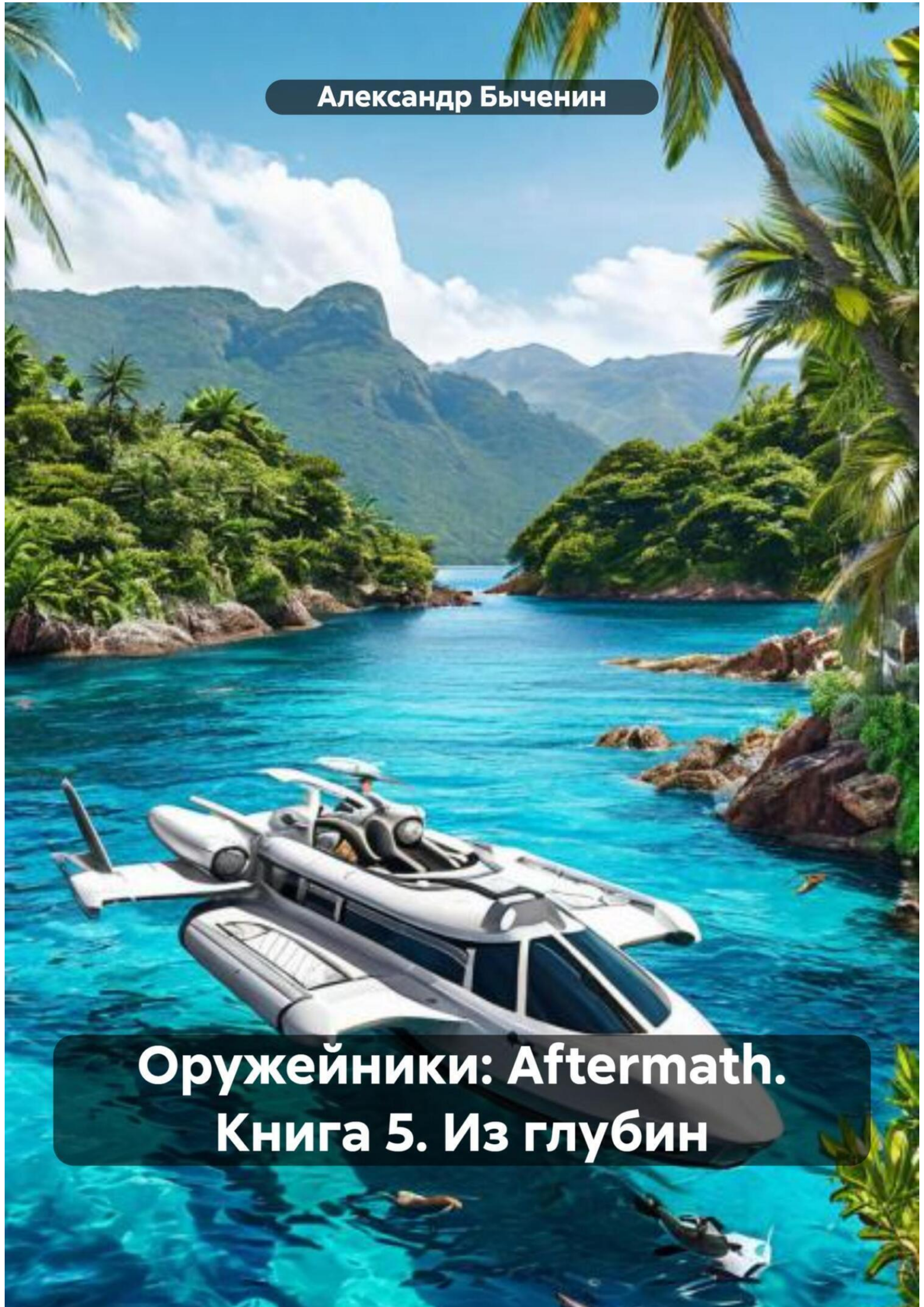

A vibrant tropical scene featuring a crystal-clear turquoise bay. In the foreground, a sleek, white, futuristic submarine with a conning tower and various sensors is partially submerged. Below the water's surface, several sharks are visible, swimming near the submarine. The bay is flanked by lush green islands with dense tropical vegetation, including palm trees. In the background, majestic mountains rise under a bright blue sky with scattered white clouds. The overall atmosphere is one of a high-tech adventure in a remote, beautiful location.

Александр Быченин

**Оружейники: Aftermath.
Книга 5. Из глубин**

Александр Быченин

**Оружейники: Aftermath.
Книга 5. Из глубин**

«Автор»

2025

Быченин А. П.

Оружейники: Aftermath. Книга 5. Из глубин / А. П. Быченин — «Автор», 2025

Колониальный союз... сгинул. Тридцать лет назад грянул Блэкаут, превративший систему человеческих миров в островки, отделенные друг от друга безднами расстояний. Но миров не стало меньше – их по-прежнему тысячи, и на каждом найдется нечто загадочное из наследства сгинувших рас – Предтеч. Не стала исключением и колония Терра-Нова – водный мир, переживший в свое время экологическую катастрофу. Правда, особыми тайнами похвастаться он не мог – разве что шепчущие киты представляли интерес. И надо же так случиться, что они и стали первопричиной злоключений Анте Свенссона – аспиранта по обмену с Нового Оймякона. Но у него и самого нашлось немало «скелетов в шкафу», плюс неумное любопытство... Черт его дернул ввязаться в научную... авантюру, иначе и не скажешь. А дальше, как обычно, все завертелось: алкагест, морская живность, киднеппинг, драки... И только умудренный жизнью Курьер в курсе, что на самом-то деле все это лишь антураж. Потому что главное - те решения, что мы принимаем. Или не мы?..

© Быченин А. П., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Быченин

Оружейники: Aftermath. Книга 5. Из глубин

Алкагест (Alkahest) или Универсальный растворитель (лат. Menstruum universale) в алхимии – жидкая субстанция, обладающая способностью растворять все без исключения тела (вещества). Универсальным растворителем в школьных учебниках химии часто называют воду с целью подчеркнуть тот факт, что вода способна растворить больше веществ самой разнообразной природы, чем какой-либо другой растворитель (<https://ru.wikipedia.org>).

Пролог

Система: Нуэво Сол

Объект: Колония Терра-Нова

Пункт дислокации: акватория Эль-Мар-Азурро

Незадолго до событий

Океан редко бывал абсолютно спокоен. Обычно бродяга-ветер топорщил его лик волнами, зачастую увенчанными белыми барашками пены, а то и вовсе бороздил настоящими водяными горами, что с тяжеловесной медлительностью обрушивались на песчаные берега близлежащих островов. Обычно, но не сегодня. Сегодня царил полный штиль, по крайней мере, в проливе, в самой середине которого торчала уродливая нашлапка с угловатыми, не присущими естественным образованиям контурами. Десятиметровый экраноплан, выполненный по катамаранной схеме, со скоростью виноградной улитки плыл по течению, которое и само не отличалось особой прытью. А отсутствие даже мельчайшей ряби и хоть какой-то качки создавало впечатление полной неподвижности. И это очень не нравилось единственной пассажирке яхты: стройная загорелая женщина в зеленом бикини-одно-название тревожно всматривалась в водную гладь под левым корпусом-поплавком экраноплана. Для этого ей пришлось лечь плоским животом на невысокий поручень, опоясывавший палубу, придерживаясь для надежности руками. Ее поза могла бы показаться стороннему наблюдателю очень даже соблазнительной, но такового на его беду поблизости не оказалось. Самой же женщине не было дела до внешних проявлений сексапильности – ее куда больше заботила странным образом светлеющая на глазах гладь. Казалось, что из глубины поднимался какой-то мощный источник рассеянного света, лишавший зеленую, под стать бикини, толщу сочности и яркости оттенка. Тем не менее, прозрачнее вода не становилась, напоминая скорее раствор крахмала. Плюс полная, а потому неестественная неподвижность поверхности. Железный повод задуматься, особенно бывалому моряку. А другой и не сунулся бы в море в одиночку, даже на таком надежном плавсредстве, как наследство сгинувших Фрро.

Молочная белизна наконец достигла поверхности, и женщина озабоченно прикусила губу. Некоторое время ничего не происходило, потом белесая вода у борта начала еле заметно сереть, у пластиковой обшивки взбухла муть, с каждой секундой все дальше смещая границу от корпуса катамарана, и вскоре из-под экраноплана вырвался здоровенный воздушный пузырь, а сама яхта резко просела почти на полметра. Причем просела равномерно, да и характерный звук с противоположного борта недвусмысленно свидетельствовал, что и там имело место аналогичное явление. Женщина вскрикнула, едва не сверзившись в воду, а затем, не сдержавшись, прошипела грубое ругательство: катамаран медленно, но все же заметно погружался, окрашивая вокруг себя воду в серый цвет.

И так не отличавшаяся особым загаром владелица яхты побледнела еще больше, с трудом, едва сдерживая дрожь в ладонях, отцепила непослушные пальцы от поручня и попыталась от совсем еще недавно такого надежного борта. Страх охватил все ее существо, ноги подгибались от ужаса, да еще и ступни цеплялись за покрытие «софт-тач», но женщина вскоре все же добралась до центра пластиковой перемычки, объединявшей корпуса катамарана в единую систему. Запнувшись об угловатый выступ, скрывавший в себе телескопическую мачту с туго намотанным парусом из тончайшей полимерной пленки, рухнула на пятую точку, лишь по счастливой случайности не задев сенсор активации, и ее не смело за борт откинувшейся створкой люка. Впрочем, в своем нынешнем состоянии обитательница яхты даже не осознала, какой неприятности ей только что удалось избежать. А может, ей было все равно – пока она пыталась отойти подальше от неведомой опасности, экраноплан просел еще сантиметров на десять, и теперь ставшая смертельно опасной вода оказалась еще ближе к жертве, чем пол-

минуты назад. Катамаран был все также противоестественно неподвижен в двух координатах, а вот в третьей... судя по мелькнувшему на лице женщины ужасу, она прикинула скорость погружения и пришла к вполне очевидному, хоть и неутешительному, выводу. Ничем иным объяснить ее поведение было решительно невозможно: крепко вцепившись руками в створку люка, она зажмурилась и принялась еле слышно шептать полузабытую молитву. Визжать от ужаса пассажирка яхты сочла ниже своего достоинства и приготовилась встретить смерть, хотя бы не опозорившись перед собою самой.

Молитва оказалась не очень длинной, и женщина, едва сдержав рвавшийся из груди крик, зашептала снова, теперь уже явственно заикаясь и периодически всхлипывая. Яхта тем временем погружалась все больше и больше, если можно так выразиться. Нечто под ее днищем просто растворяло прочный пластик, причем настолько равномерно, что какие-либо рывки или даже малейшая вибрация отсутствовали. И к тому моменту, когда молитва была сотворена по второму кругу, от корпусов катамарана ничего не осталось – обглоданное плавсредство легло на морскую гладь всей палубой, в режиме планирования служившей еще и несущей плоскостью.

Скорость погружения замедлилась – казалось резкое увеличение площади контакта остатков яхты с агрессивной средой. Тем не менее, палуба едва заметно, но неотвратно иставала. Сначала опоры лишились поручни, опоясывавшие ее по периметру, и чуть ли не мгновенно канули в пучину – опорные стержни разъело за считанные секунды. К этому моменту в серую муть обратились палубные настилы корпусов катамарана, кое-как держалась лишь перемычка-крыло, но и от нее остался лишь жалкий огрызок – метра три в ширину и чуть больше в длину. В поперечном сечении крыло имело классическую для летательного аппарата форму сильно вытянутой капли, да еще и выступ с парусом играл свою роль, поэтому до ног женщины серая муть не доставала. Впрочем, такое положение не могло сохраняться вечно, и пассажирка экраноплана это прекрасно осознавала – едва приоткрыв глаза, она вскрикнула от ужаса и предпочла зажмуриться, снова забормотав молитву. И ее можно было понять – мало приятного наблюдать, как твои ступни, потом икры, голени, бедра и все, что выше, растворяются, обращаясь в тошнотворно-розовую взвесь в не менее отвратительной серой хмари.

В конце концов ужас взял свое, и женщина едва слышно, на одной бесконечной ноте завывала, чуть заметно покачиваясь и мотая головой в бессильном жесте отрицания. Молодой цветущий организм отказывался верить в неотвратимость гибели. Но, надо отдать должное, в окончательный ступор пассажирка яхты – или того, что от яхты осталось – не впала. Просто отгородилась от жестокой реальности, будучи абсолютно неспособной повлиять на ситуацию. И потому некие изменения, возникшие в окружающей водной глади, ускользнули от ее внимания.

А между тем изменения были весьма значительными – жалкий огрызок палубы (теперь уже не больше двух метров в поперечнике) перестал испаряться, а его поверхность начали потихоньку захлестывать мелкие волны. Даже не волны, а просто зыбь, легкая шероховатость на суровом лице океана. Но и ее хватило, чтобы через какое-то время вода с шумом плеснула по босым ступням женщины.

И вот этот факт не остался незамеченным – та резко вскинулась и вскрикнула, готовясь к жуткой боли, но уже через мгновение на ее лице возникло выражение недоумения, незамедлительно сменившееся нервной гримасой, исказившей красивое, в общем-то, лицо в безумной ухмылке. А потом над водой разнесся истерический смех – бесконечный и надрывный.

Глава 1

Система: Нуэво Сол

Объект: Колония Терра-Нова

Пункт дислокации: бывшая территория Корпорации STG, остров ЛаПинца, научно-исследовательская база Университета Патриа-Нуэво

10 октября 2168 года

Проснулся я оттого, что в комнатухе резко посветлело. Вот только что лежал в полудреме, безуспешно пытаюсь отогнать назойливую строчку из старинной песенки (нас утро встречает прохладой...), вгрызавшуюся в полуотключенный мозг, а потом – раз! – и в глаза ударил яркий сноп света, этакая широкая полоска высотой в пару сантиметров, не больше. Но попала удачно, ничего не скажешь. Пришлось размежить веки и уставиться на горизонтальные жалюзи, которые я вчера вечером не очень плотно прикрыл. Вернее, совсем не прикрыл, поскольку домой явился в изрядном подпитии – местный тростниковый ром оказался хоть и слабеньким (меньше тридцати оборотов!), но коварным. А я, наивный, еще бахвалился, что после новооимяконской водки меня ничем не проймешь... стоп-стоп-стоп! А чего я еще вчера натворил? Ну-ка, мозг, начинай работать... Ф-фух, вроде нормально все было. По крайней мере, в пределах традиционной пятничной попойки[1]. Постэффект от принятия приличной порции проявился, когда я уже переступил порог собственного логова, а до того держался весьма достойно. По крайней мере, на столе не танцевал и к девчонкам не приставал, хотя, наверное, зря. Кое-кто бы и не возражал особо, ну да бог с ними... главное, похмелья нет. Или это потому, что я еще даже не пытался голову от подушки оторвать? Незамедлительно проведенный эксперимент позволил опровергнуть эту теорию: сев в кровати и полюбовавшись на собственные ноги и одеяло – в светло-темную полоску тени от жалюзи – и покрутив вместилищем разума, никаких неприятных последствий я не ощутил. Значит, все было в меру. Просто с непривычки приплющило. Не зря тренер дед Коля говаривал, что к каждому напитку нужно сначала адаптироваться. И тогда легко прослыть алкоголеустойчивым типом, которого бесполезно пытаться спаивать. Правда, при этом подразумевались всякие шпионские дела и делишки, но я запомнил и, как оказалось, вполне успешно применил данный принцип и в мирной жизни.

Убедившись, что резкие движения – и движения в принципе – не причиняют неудобств, я соскочил с кровати, уронив одеяло на пол, и сладко потянулся. Впрочем, последнее удалось с некоторым трудом – я сразу же уперся руками в потолок, так что тянуться пришлось больше в стороны, нежели вверх. Ничего не поделать, особенности местного мироустройства[2].

О чем бишь я?.. Ах, да, про потолки... Короче, я тут заметил, что местные все-таки куда мельче наших, новооимяконских[3], пусть и одновременно крупнее Фрро. И причиной тому, скорее всего, служила диета. Мы-то на нашей суровой Родине в основном вынуждены белки уплетать, лишь слегка разбавляя их углеводами и кое-какими овощами, здесь же дело обстояло с точностью до наоборот: питались рыбой и морепродуктами, растительная пища тоже в основном морского происхождения, водоросли и фитопланктон. Та еще гадость, скажу откровенно. Зато для цитрусовых тут просто рай, даже на нашем Ла Пинца есть апельсиновая роща. А вот животные белки – редкость и деликатес, вплоть до привозных с Нового Оймякона. А все потому, что местные государства, коих в настоящее время насчитывалось целых три, – сплошь островные. Даже расово испанский анклав, отхвативший себе единственный на всю планету неоматерик Кантабрия, не мог похвастаться развитым сельским хозяйством и рекордными урожаями. На то были объективные причины, и далеко не на последнем месте стояла экологическая обстановка. Люди вступили во владение новым миром, когда он пребывал в печальном состоянии – бывшие хозяева, амфибии Фрро, довели планету до экологической катастрофы.

По крайней мере, наличествовали все признаки таковой: мировой океан заполонил фитопланктон, который некому было жрать, все остальные виды вымерли, да и обитателям суши досталось нехило. И люди первые лет тридцать эпохи колонизации разгребали доставшийся им бардак. До Блэкаута при тесной поддержке Корпорации STGмногое удалось сделать, но все равно пригодными для нормальной жизни *homo sapiens* стали далеко не все острова и акватории. Если быть до конца честным, то конкретно три довольно обширных территории, отделенных друг от друга сотнями и даже тысячами (если говорить про испанский анклав) километров пустынных водных пространств и не менее пустынных архипелагов. Они, собственно, и превратились впоследствии в государства. И от этого сейчас на Терра-Нова обстановка та еще, хотя Патриа-Нуэво на фоне остальных образец спокойствия и процветания. Просто потому, что именно эта территория восстановила связи с Корпорацией, поскольку именно она и была некогда корпоративной базой на планете. Другие же государства могли лишь бессильно завидовать и завидующими глазами поглядывать на процветающего соседа, потому что военными средствами решить проблему все равно бы не получилось – не было ни у кого достаточных ресурсов. Хотя и армия, и флот имелись у всех участников завистнического треугольника. Равно как и спецслужбы, служившие неиссякаемым источником батт-хертов для всего нормального населения. Пропаганды тут и на ТВ, и в Сети выше крыши. Пусть и по-местному низкой, если так можно выразиться.

Впрочем, низкие потолки еще не самая большая проблема. Гораздо больше меня напрягала здешняя архитектура – нарочито угловатая и лишенная какого-либо изящества. Хотя казалось бы, что французы, что итальянцы, что греки – все не лишены чувства прекрасного. Но чертова экономика и тут диктовала свои условия. Колонистам оказалось куда проще задействовать наследные мощности и штамповать типовые быстросборные домишки, дома и домища произвольной этажности, нежели пользоваться природными стройматериалами. А у сгинувших Фрро, судя по всему, были собственные представления о прекрасном, то бишь дизайне и функциональности, а также о сочетании таковых. Поэтому даже мое бунгало с тонкими, едва в полсантиметра, стенами из биопластиковых панелей снаружи выглядело тяжеловесной приплюснутой сверху и раздавленной вширь коробкой. И такое здесь все. Нарочито выделенные углы, никаких попыток замаскировать пересечение плоскостей, и тем более хоть как-то оные углы сгладить[4].

И цвет, всепроникающий серый. Зелено-серый, буро-серый, желтовато-серый... и еще миллион оттенков серого. Даже небо не пронзительно голубое, как у нас (естественно, в ясную погоду), а либо белесое, либо тускло-серое. И этому тоже есть объективная причина – особенности местного светила, которое тут все бесхитростно обзывают Солом. Другой у него класс, нежели у моей родной звезды. Плюс горизонт очень близко, потому и непривычно все, первые три дня вообще глаза дико уставали. Даже на море пялиться долго не мог, хотя для меня это зрелище в диковинку – суровый Новый Оймякон на открытые водные пространства небогат. Но все равно я как-то к голубой, на крайний случай густо-синей воде привык. А тут зеленая. Вернее, серо-зеленая. Из-за спектра звезды, атмосферы, а еще из-за вездесущего фитопланктона. И это еще с учетом того, что Эль-Мар-Азурро (Синее море, ха-ха три раза!) располагалось внутри Периметра, и этой растительной микроскопической гадости в воде было раз этак в сто меньше, чем в открытом океане за пределами территории Патриа-Нуэво. А вне Периметра вообще бурое болото.

Что характерно, причиной всех этих сомнительных удовольствий служили банальные водоросли – тот самый фитопланктон, что сначала заполонил все моря и океаны, вынудив Фрро переселиться на сушу, а потом еще и изменил состав атмосферы, в результате чего бедные амфибии повымерли. Девать их было некуда, вот Фрро и приспособились использовать халявный ресурс в качестве сырья для производства биопластика. А тот, какой краситель ни добавь, все равно получался серый. Зелено-серый, буро-серый, желтовато-серый... и еще мил-

лион оттенков серого, как я уже и говорил. Куда ни кинь, всюду клин, короче. Это моя русская половина о себе напомнила, а шведская пока молчала, потому как была более флегматичной и попросту еще толком не проснулась. Умыться бы, тогда вообще буду как огурчик... если разогнусь потом: ванная у меня крошечная. Одному бы поместиться, не то, что с девушкой. Хотя мысли такие мелькали периодически, когда я на некую особу засматривался... но о ней чуть позже.

Зато здесь дышится легче. Воздух морской, свежий, насыщенный йодом и запахом гниющих водорослей. Впрочем, едва различимым, все-таки Периметр довольно далеко от нашего острова. Но это во мне еще и лирик заговорил. А физик (пусть и с приставкой «био») и без того прекрасно знал, что причиной необыкновенной легкости во всем теле являлась меньшая, нежели на Новом Оймяконе, сила тяжести. У нас 1,01 «же», а здесь всего лишь 0,97. Каких-то четыре процента, а каков эффект! Как будто пружины на пятках выросли. Или пропеллер сзади приделали, как у древнего сказочного героя, который жил на крыше в одной из скандинавских стран. Еще тех, со Старой Земли.

Глянув-таки в окно, я обреченно вздохнул и поплелся в душ. Судя по расположению Сола, дело уже шло к полудню. В более раннее время светило не имело привычки выглядывать из-за длинной скалы, у подножия которой притулилось мое бунгало. Да и не только мое, почти весь жилой комплекс здесь же теснился. Просто мне повезло больше остальных – задняя стена дома практически упиралась в крутой склон. С одной стороны хорошо, не нужно было далеко ходить, чтобы устроить тренировку по скалолазанию. С другой – вставать по утрам тяжело, потому как темень, а будильник охота грохнуть о ближайшую твердую поверхность. Правда, и здесь меня в первый же день ждал облом: мало того, что смартфон, подаренный не так давно папенькой, отличался прочностью и невосприимчивостью к сотрясениям, так еще и все стены вкупе с потолком пружинили – до того тонкие. Плюс вездесущий «софт-тач» долбаного био-пластика. Зато до пляжа буквально два шага. А лагуна здесь хорошая, даже, не побоюсь этого слова, великолепная – просторная, достаточно глубокая, притом не обделенная ни песочком, ни пальмами (самыми настоящими, земными), ни плавсредствами. А еще почти со всех сторон она прикрыта скалами, из-за которых остров и получил название Ла Пинца: на виде сверху он очень походил на крабью клешню, внутри которой и была заключена лагуна. Атолл вулканического происхождения, если строго по науке. Плюс местные кораллы, те, что еще до засилья проклятой зеленой водоросли в окрестных водах обитали.

Погода, кстати, тоже баловала, причем почти весь предыдущий месяц. Пару раз всего ветер поднимался и приносил кратковременные, но бурные дожди. В открытом море еще и штормило, но в лагуне волнам разгуляться было негде, так что это и непогодой с трудом назовешь. Старожилы рассказывали (а скорее просто трындели), что иногда ветер задувал с особо зверской силой, и тогда, особенно при удачном направлении, через узкий пролив в лагуну устремлялась вода из открытого моря. И вот тогда-то начинался, по меткому выражению одного моего знакомого, Адъ и Израиль. Волны поднимались до двух-трех метров и обрушивались на берег со всей дури. Иной раз вода аж до порогов бунгало докатывалась – не до всех, естественно, а до самых ближних к пляжу. Таких, как мое, например. Но я такого еще не видел, а досужим рассказам доверять был не склонен. Ученый я, в конце концов, или где?..

Подостывшая за ночь вода из резервуара на крыше неплохо бодрила, так что из душа я вылез быстро, минут через пять всего, не забыв побриться и почистить зубы. С вечера как-то не до того было, зато сейчас наверстал. Вытерся насухо здоровенным полотенцем, натянул плавки – в местном понимании, то есть просторные шорты до колен, совмещенные с внутренними тесноватыми труселями из дышащей сетки – и прошлепал на крохотную кухню. Холодильник размером не поражал, да и мало походил на знакомый мне с детства агрегат – это скорее аквариум, наполненный той самой консервационной жидкостью, что стигнувшие Фрро юзали в транспортных криоустановках. И вот к этому привыкнуть было трудно. Окунув руку в

емкость по локоть, я нашарил пару упаковок с чем попало (все равно одни морепродукты, если не рыба, так водоросли или гады беспозвоночные) и переправил добычу на откидной столик, притулившийся у кухонного окна – такого же здоровенного, почитай, на всю стену, как и в спальне. Стряхивать жижу с руки не пришлось, на воздухе она сама невероятно быстро испарилась, ненадолго заморозив волоски на коже. Простейший, между прочим, принцип – хлад-агент в чистом виде, без дополнительных устройств и системы циркуляции. У нас на Новом Оймяконе тоже начали эту субстанцию использовать вместо фреона. Правда, от традиционного ящика с дверцей и полками так и не отказались, зато сильно упростили конструкцию конкретно охладителя. И оно к лучшему – слишком у нас холодно, чтобы голыми руками во всякой гадости плюхать.

А вот микроволновки здесь вполне себе традиционные, с поправкой, естественно, на все тот же биопластик. Из-за него мне вообще временами кажется, что я в черепащем панцире обитаю. Или в раковине какого-нибудь моллюска – и по текстуре, и по цветовым переливам похоже, разве что блеска перламутрового нет. Хотя в этом не уверен, может, просто мне такое не попадалось. А вообще нехилый такой контраст: нарочитая угловатость всего и вся с кажущимися живыми покрытиями. Как бы взаимоисключающие параметры. Живое обычно не бывает угловатым, а неживому не присущи такие оттенки и текстуры. Тоже, кстати, не сразу привык. Сейчас-то уже притерпелся, но все равно стараюсь чаще на открытом воздухе бывать, и чтобы при этом ни одно местное строение поблизости не маячило. Получалось, ясное дело, с трудом – все-таки не на необитаемом острове тусуюсь, а в многолюдном исследовательском комплексе, совмещенном с поселением – научным городком и рыбацким поселком одновременно. Веселый у нас остров, все для трудящихся: и кабаки, и дискотеки, и торговый центр с супермаркетом, и даже дом культуры, который здесь называется просто клуб. И это на десять с небольшим тысяч населения. А как вы хотели? По факту, самое крупное поселение Патриа-Нуэво на Внешней гряде, отделявшей внутреннюю акваторию – то же Мар-Эль-Азурро, например – от загрязненного фитопланктоном океана. Строго говоря, ограждал Периметр – колоссальное боновое заграждение в паре десятков миль от северного побережья острова Клешни – но остальные обитатели территории не считали это обстоятельство существенным. Более крупные населенные пункты, которые можно было назвать городами, и даже один мегаполис с населением за миллион, располагались на островах Южной гряды. Та лежала ближе к приполярным областям, и хоть не могла похвастаться таким же мягким климатом, зато и биологическое поражение там было не столь масштабным благодаря относительной прохладе. Плюс на тех же островах концентрировались основные производственные мощности, как доставшиеся от Фрро в готовом виде, так и собранные по их разработкам и из их же комплектующих, но спецями колонистов. А еще там же, в столице, располагался главный морской и челночный космический порты. Центр цивилизации, фиг ли.

С поздним завтраком (ну ладно, уговорили – ранним обедом) расправился быстро – было бы что смаковать. Морская диета приелась за первые две недели, и теперь я уже отчаянно тосковал по знаменитой новооймяконской тушенке из тундрового яка. Да и по нормальным сладостям тоже, а то тут все больше джапан-стайл – тофу-мофу, пасты-шмасты, сладкий рис... тьфу! Суши, сашими, роллы... а ведь раньше мне даже нравилось. Наверное, потому, что на родине было в диковинку и считалось деликатесом. И это даже при достатке моей семьи. Впрочем, отец нас с братом не особо баловал разносолами, и мать его в этом поддерживала. В детстве я на них обижался, а сейчас вспоминал с благодарностью – приучили довольствоваться тем, что есть. И жрать то, что дают. Хотя сегодня порыбачил в «холодильнике» удачно, выудив кусок тунца[5]. Заедать, правда, пришлось прессованными водорослями, лишенными как вкуса, так и запаха. Как бумагу пожевал, право слово. Или как обезвоженные цельнозерновые хлебцы, популярные у меня дома.

Как бы то ни было, подкрепив силы диетической – чтоб ее черт побрал! – пищей и смочив глотку минералкой с газом (с лимонадами тут проблема, дорогущие они по причине либо привозного, либо местного, но дефицитного сырья), я оделся до состояния «прилично» – то бишь дополнил шорты растянутой майкой-алкоголичкой и аквашузами, прихватил сумку с кайтом и выбрался на свет божий, поленившись даже запереть входную дверь. Один хрен половина окон нараспашку, а если кому-то вдруг придет в голову блажь ко мне в дом залезть, то хилая дверка преградой не станет. А ничего особо ценного у меня в бунгало нет. Вернее, есть, но хранится под настоящим замком в настоящем несгораемом шкафу... из все того же, правда, усиленного биопластика. Замок кодовый, со сканером сетчатки и отпечатков пальцев, а стенки не сразу и динамитом возьмешь. Там у меня планшет производства знаменитейшей фирмы «Imagine» хранится, а еще кое-какие документы, в том числе и удостоверяющие личность, да и наличность (хе-хе!) тоже. Да и охраняется научный городок, людей из поселка здесь просто нет. Пропуск строго по опознавательному браслету, который еще и интеркомом – то бишь средством ближней связи – служит.

А ничего сегодня погодка, не подкачала! На то, собственно, и суббота – общепризнанный выходной день. Теперь главное не разбазарить его так же бездарно, как вечер пятницы.

–//–

Там же, тогда же

Все-таки хорошая у нас лагуна. Большая, просторная, и при этом еще и красивая. Всего в меру – и песка, кое-где длинными отмелями вдававшегося в зеленоватую гладь, и утесов, и даже одиноко торчавших острых камней. И все это в обрамлении суровой скальной гряды, отсюда, с пляжа при научном городке, казавшейся не очень-то и высокой. По крайней мере, для Сола, посылавшего по дневному кусачие лучи, препятствием крутые (и это на самом деле так) склоны не являлись. Солнечные очки я по извечной привычке забыл в бунгало, возвращаться за ними было откровенно лень, так что пришлось смириться с неудобством. Тем более что катание на кайтборде подобные излишества не поощряло. Тут скорее маска для ныряния впору была бы, а не выпендренные стекляшки. Да и недолго ждать осталось, вон, вроде на горизонте тучка виднеется. Буря, скоро грянет буря! Так, кажется, выражался когда-то классик. С одной лишь поправкой: скорее легкая непогода, с ветерком чуть сильнее среднего, морозящим дождем и волной до полуметра, просто смешной для серфинга. На такой и не прокатишься толком. Откуда знаю? Да проходили уже, причем дважды. И это только за тот месяц, что я здесь живу. Зря, выходит, надеялся на нечто более захватывающее, чем обычный зимний кайтинг на суровой родине. Впрочем, с паршивого яка хоть шерсти клок...

Особой разницы, где именно лезть в воду, все равно не было, так что я уронил поклажу на песок там, где стоял, стянул майку, бросив рядом – терпеть не могу в мокрой ходить, да и фигурой бог не обидел, спасибо шведскому дедушке с кучей предков-викингов – и запустил руку в утробу сумки. Ожидать сюрпризов, как в том же холодильнике, не приходилось, и уже через пару секунд я извлек на свет божий круглую приبلуду, больше всего напоминавшую коробочку от девчачьего тонального крема. Или пудры, не суть. Таковую, знаете, из блестящего пластика, с зеркальцем на откидной крышке. И по габаритам, и по очертаниям самое оно. Только вместо косметической дряни внутри высокотехнологичная начинка – чертова прорва микроэлектроники плюс миниатюрный, но мощный энергоблок. А еще колония самовоспроизводящихся наноботов, генерирующая силовое поле произвольной конфигурации, но в моем случае заданной проволочным каркасом. Каркас тоже непростой – из «умного» металла, способного менять агрегатное состояние с минимальными энергозатратами, а еще с памятью формы. К тому же невероятно прочного: в сечении проводник не превышал и миллиметра, но выдерживал порывы ветра вплоть до штормового. Кстати, вполне себе повод для гордости за родной мир – две уникальных технологии в одном приборе. Наноботов-генераторов силового поля лет тридцать назад открыл один знаменитый на весь бывший Колониальный союз Курьер,

который в те времена был простым бродячим Оружейником на службе Корпорации STG, и сейчас на Новом Оймяконе их не использовал только ленивый. Да что там далеко за примером ходить – мой кайт. Самый обычный спортивный снаряд, легко доступный в любом специализированном магазине. И цены невеликой. Что характерно, и «умный» металл в обиход ввел он же – просто задумавшись над природой собственного корабля, рейдера Архонтов. Точно-точно, наследства той самой легендарной расы. Полностью воссоздать этот материал Денису Смалькову (это, если кто не понял, тот самый Оружейник) не удалось, но даже того, что получилось, за глаза – техника STG на голову превосходила все известные аналоги производства других Колоний. Даже на Старой Земле такого не было, по крайней мере, на момент всем известной заварушки накануне Блэаута. Сейчас-то, может, и есть, кто бы знал. Да и не суть. Главное, не зря с собой тащил снаряжение – здесь катались по старинке, на матерчатых кайтах. И вынужденно имели по три змея, разной площади под разный ветер. Плюс все сопутствующие прелести в виде фалов, депаверов и прочих мелочей. Так что удобство собственного девайса я только здесь оценил, словив в первый же свой выход на пляж не одну сотню завистливых взглядов. Это у нас на Новом Оймяконе банальность, а тут диковина. Я даже струхнул слегка – как бы не навалились толпой да не отобрали. Но обошлось, все же народ в научном городке культурный и, я бы даже сказал, в какой-то мере интеллигентный.

Так, что там у нас дальше?.. Фал магнитный пятистропный, доска составная, с магнитной же связью, дистанционный пульт, цепляющийся к планке, крюк да традиционная поясная трапеция. Ничего сверхъестественного, почти классика. Разве что все облегченное и какое-то несерьезное. Впрочем, несолидный вид с лихвой компенсировался качеством изделий. Теперь влезть в сбрую да запустить сам кайт, причем, что характерно, без ассистента. Еще одна причина завистливых взглядов со стороны местных – мне всего-то и надо, что пришлепнуть фал к коробочке, ткнуть сенсор активации антиграва да чуток подбросить приборчик. А дальше еще проще: знай, жми сенсоры на пульте, пока стропы не вытянутся метров на семь-десять. Потом остается подстроиться под ветер (сейчас, кстати, оч-чень даже приятственный, посмотрим, что позже будет), который дует со стороны открытого моря, но из-за особенностей конфигурации лагуны завихряется и тянет вдоль пляжа, и активировать крыло. Тут главное не упустить момент, когда проводник-конфигуратор заполнится «полотном» силового поля. Дернуть может чувствительно, особенно непривычного к такому человека. А если все обошлось, то дальше работаем точно так же, как и с традиционным кайтом из ткани: чуть натягиваем планку, поднимаем крыло метра на три-четыре и держим в таком состоянии, пока доску к ногам крепим. И снова ничего сложного, поскольку крепления автоматические – сунул стопы, и они защелкнулись. Никаких здоровенных пластиковых ботинок, отменно жестких и неудобных, самонатягивающиеся ремешки (опять «умный» материал, только не металл, а синтетическая кожа) плотно облегли ногу в любой обуви, в том числе и в моих аквашузах, а при необходимости столь же легко отстегивались одним нажатием на фиксатор. Правда, для этого руками тянуться приходилось. Но это уже мелочи, право слово.

Вот и все, можно и стартовать – даже чуть выпендрежно, выполнив так называемый бич-старт, прямо с песка, с простейшим флаинг-лупом, то бишь прыжком, усиленным тягой кайта, направленного по ветру. На излете в ноги чувствительно толкнуло – доска пока что сохраняла традиционную конфигурацию, хоть и спружинила магнитным замком, и соприкосновение с поверхностью воды в конечной точке траектории лупа вышло самую чуточку жестковатым. Ну и ладно, зато тянет резво, даже просто скользить по мелкой ряби на такой скорости приятно. Острее ощущения только в свободном полете, только ну его на фиг, пока разогреюсь и просто покайфую. А иначе зачем в воду лезть? Время лупов, грэбов и вращений наступит чуть позже, когда придет пресыщение скоростью и попутным ветром. А пока... Их-ху-у-у-у-у!!!

Минут через пятнадцать я ощутил, как мышцы налились знакомой упругостью, и перешел к более сложным элементам вроде вращений. Теперь уже можно, риск потянуть связки при

неловком движении минимален, а удовольствия в разы больше, чем от простого скольжения по ветру. Да и обычные прыжки, в разы усиленные кайтом – те самые лупы – позволяли довольно долго наслаждаться свободным полетом. Как там еще у одних дремучих классиков? Free as a bird? Ну, что-то типа... а тут еще и ветерок посвежел, в спину уже серьезно дует, плюс волна пошла, пока еще та самая, полуметровая. Кста-а-ати!.. И небо нахмурилось – тучка оказалась не самой маленькой, уже почти треть свода накрыла. Сол еще кое-где пронзал ее световыми клинками, которые были хорошо заметны на темном фоне, но что-то мне подсказывало, что это ненадолго. Хм... а на обычную непогоду не очень-то похоже. Может, ну его на фиг, к берегу пора?.. Не-а, я только начал! Когда еще такой случай представится? Йих-ха-а-а-а!..

Черт, так и расшибиться недолго! Очередной луп с грэбом вышел очень уж длинным, метров на пятьдесят, да и взлетел метров на десять точно, подгоняемый в спину попутным порывом (и это не считая резко увеличившейся тяги кайта). Ноги удар почувствовали, короче. Но ведь какой кайф! Еще, хочу еще! Давно такого адреналина не было! Разгон, прыжок, вращение! Жесткое приводнение, но пофиг! Еще! Теперь затяжной луп с серией грэбов! И снова вниз, навстречу волне. Уф-ф!.. Знатно окатило, едва устоял. Но ведь устоял же! Значит, могу повторить, и даже еще что-нибудь покруче изобразить в полете – в этом-то и смысл, если вдуматься. Йих-ха!..

Черт, Антоха, не теряй голову! Одумайся, притормози!.. Где там! Бешеный стук сердца, подстегнутого волнами адреналина, вмиг заглушил голос разума. Да и некогда думать – все внимание поглощено кайтом и доской. Не самое простое дело, согласовывать работу туго натянутого ветром змея и собственного тела, особенно когда под ногами не относительно ровная рябь, а волны уже хорошо за метр! Но тем слаще преодолеть очередной вызов. Оседлать еще одну волну, подстроиться еще под один резкий порыв ветра и уйти в свободный полет на добрые десять секунд, а потом укротить рвущийся на свободу кайт, едва удерживая в руках планку. Толчки крови набатом в ушах, вой ветра, брызги в лицо!..

– ...они-и-и-и!..

Что за?! Я тут еле кайт удерживаю, а кому-то приспичило. Вот почему всегда так? Подгадав под очередной порыв, я подпрыгнул, насколько смог, и, пока змей тянул меня над верхушками волн, повертел головой в поисках отвлекающего фактора. Вернее, покосился в сторону берега. Ага, так и есть. Мог бы и сразу догадаться. Все нормальные люди с пляжа убрались (между прочим, ветер уже далеко не умеренный, да и туча налилась чернотой, того и гляди, разродится ливнем), только ей дома не сидится. Пунктик у нее такой, видите ли: вбила себе в голову, что у хмурого океана особенная энергетика, а у штормового тем более. А как по мне, так ей просто острых ощущений не хватало. Парня бы уже себе завела, что ли... может, меньше до меня докапывалась бы. Ч-черт!..

Засмотревшись на миниатюрную (реально миниатюрную, а не просто далекую) стройную фигурку в белом бикини – то нехило так контрастировало с темным на фоне тучи песком и уже густо-зеленой водой – я едва не подвернул ногу, выровнявшись в самый последний момент. С трудом сдержав ругательство, тут же ушел в следующий затяжной луп, но наваждение уже схлынуло – разум таки достучался до сознания. Адреналин никуда не делся, в ушах по-прежнему звучал самый настоящий набат, но свободный полет перестал пленить и не казался уже чем-то волшебным. А потом вместе с очередной волной – метра под два, не меньше – накатила паника. Приводнение вышло отменно жестким, пришлось даже разъединить половинки доски, чтобы ноги смогли разъехаться, иначе суставам хана. Да и подъемную силу кайта вынужденно погасил, резко отпустив планку. Твою!.. Опять чуть не сунулся носом в воду! Кое-как выровняв «крыло», начал предельно аккуратно править к берегу... но аккуратно почему-то не получалось. Наверное, от почти что ураганного ветра и исполинских волн, накрывающих с головой, выбивающих из груди воздух и вырывающих из рук планку... или мне просто кажется?..

Паника, она такая... так, успокоиться, глубоко ды... буль-буль-буль! Тьфу!.. Подышишь тут, как же!..

Я таки навернулся. И предельно неудачно – на спину, к тому же еще и волной накрыло, когда почти всплыл. Пришлось отстегнуть фал, предварительно деактивировав кайт, а потом и от доски избавиться. За кайт можно не беспокоиться – он на антиграве до берега сейчас долетит, а стропы уже автоматически втянулись в планку. Главное, кайтборд не упустить... но и этот момент учтен – он к ноге пристегнут... мля!.. Тьфу!.. Мало удовольствия соленой воды наглотаться. А эта еще и с водорослями... гадость. Так, поймать доску, подмять под себя, устроиться поудобнее, и к берегу, к берегу! Благо, волны в нужном направлении подгоняют... особенно одна – такое ощущение, что до лагуны докатилась цунами, вернее, верхушка колоссальной волны, сумевшая преодолеть песчаные косы, ограничивавшие вход в лагуну. И все равно мало не показалось – накрыло так, что ушел под воду вместе с доской. Еле выплыл, и то благодаря спортивному снаряду. Если бы упустил, так бы и остался на глубине...

Надо же, добрался. Кое-как преодолев на подгибающихся ногах последние несколько метров – они мне показались чуть ли не километром, особенно после пары крепких ударов в спину от набежавших волн – я бессильно распластался на песке. Вещи бы подобрать, пока не сдуло... нет, ну их к черту. Не до них. Сердце из груди выпрыгивает, а еще и от адреналина трясет... черт... ведь сколько раз себе обещал до такого не доводить! Маменьке однозначно не понравится. Одно радует – вряд ли она о нынешнем инциденте когда-нибудь узнает. Я точно не проговорюсь, а сдать вроде бы и некому...

– Тони!!!

Напророчил, блин!

– Тинка, отцепись.

– Я тебе сейчас отцеплюсь! Ты совсем офигел?! Куда полез?! Не видел, что ли, шторм начинается?! Пошли отсюда скорее, сейчас ливанет!

Как же она прекрасна в гнев! Миниатюрная смуглая итальянка в белом бикини-одноназвание, с падающими на лицо темными прядями, выбившимися из растрепанной косы... и с самыми карими в мире глазами! И почему я их раньше не замечал? Не-а, не вестись, это адреналин и нервное напряжение, я себя знаю. Надо как-то выплеснуть, иначе не успокоюсь и чего-нибудь сотворю...

– Идем! – Неугомонная Тинка – на самом деле Альбертина, урожденная синьорина Монтанари – перешла от слов к делу, схватив меня за запястье и потянув куда-то в сторону ближайших строений. – Чего развалился?!

– Да ну тебя! – отмахнулся я. Двигаться не хотелось. Вернее, хотелось взорваться изнутри, выплеснув в мир излишки адреналина, но вот конечности слушаться отказывались. Тоже типичная картина. Поздравляю, дорогой Антон, снова вляпамшись. – Я тут полежу...

– А если еще одна такая волна набежит?!

– Какая «такая»? – лениво отбрыхнулся я, хоть и догадался, о чем речь.

– Такая! Я раньше таких не видела – она из моря пришла, очень высокая. Даже после косы еще метра три в высоту была! Почти до кафешек достала!

– Не гони.

– Да пошел ты! – обиделась Тинка, но сразу же снова принялась нудеть: – Ливень!

– Да пофиг...

– Проклятье!.. – Тинка очаровательно прикусила нижнюю губу, машинально смахнув с лица длинную челку, но сделал только хуже – ветер нещадно трепал ее волосы, в обычное время прямые и послушные, но сейчас страшно перепутавшиеся и пребывавшие в первозданном хаосе. – Ты не представляешь, что сейчас будет! Антонио! Подъем, я сказала!

А вот это уже звоночек. Вот так официально – Антонио – она звала меня только в тех случаях, когда хотела подчеркнуть серьезность ситуации. Все остальное время я был Тони,

бестолочью, балбесом, дураком или еще кем-то столь же забавным. И это еще не самое страшное. Кем я только не был – и Антуаном, и Энтони, и Антониосом, и Анте – как сейчас по документам. Кстати, разрешите представиться: Анте Свенссон, хотя сам я больше привык на Антона откликаться. Папенька приучил, а еще дед с бабкой. Второй дед поддерживал маменьку и упорно величал меня на скандинавский манер. Но это так, к слову. А вообще я аспирант второго года обучения, Университет Нового Оймякона. На Терра-Нова по программе обмена. И на свою беду угодил в морскую лабораторию при Университете территории Патриа-Нуэво, где работала Альбертина Монтанари – та самая миниатюрная фигуристая шатенка с милым полудетским лицом и живыми карими колодцами, которые умели, оказывается, метать гром и молнии. И ведь всем хороша, чертовка! Глаза я уже описывал – не глаза, а колодцы. И густые брови вразлет. А еще правильные черты, небольшой изящный нос, женственный подбородок с еле заметной мушкой на левой стороне, да даже своеобразная линия губ, придающая лицу очаровательную серьезность, особенно из-за чуть пухловатой нижней – все в комплекте давало ошеломляющий результат. Который я на себе прочувствовал в первый же день, но предпочел абстрагироваться от жестокой реальности. И только сейчас, после дикого стресса, прозрел. Эх, да что говорить! Даже маленькая грудь – еле-еле до второго номера дотягивает – при общей миниатюрности фигуры отнюдь не минус. Наоборот, я вдруг ощутил непреодолимое желание подержаться за эти упакованные в лиф округлости. Ведь, черт побери, должны аккуратно в ладонях уместиться! Кое-кто считает, что это оптимальный размер. Я, впрочем, раньше так не думал...

– Эй, очнись! Тони!..

А? Что?.. Где?.. Встряхнувшись, как крупный новооймяконский хаски, я таки соизволил подняться на ноги, тут же едва не навернувшись снова под порывом ветра. Вот это ни фига себе, распогодилось! За какой-то час лагуна разительно преобразилась: ветер едва не сбивал с ног, волны обрушивались на пляж с мощностью боксера-тяжеловеса, чуть ли не докатываясь до нас с Тинкой (а мы стояли метрах в десяти от кромки воды), а небо стало густо-фиолетовым, погрузив округу в полумрак. Такое ощущение, что стемнело на полдня раньше... а если сейчас еще и громыхнет!..

– Твою мать!!!

Как я и предполагал, громыхнуло. Нет, сначала, как и положено, тучу прорезала ветвистая молния, а потом и по ушам ударило. И мгновение спустя снова. И еще раз, и еще. А мы на открытом месте...

– Бежим! – Я схватил Тинку за запястье и рванул прочь от берега, даже не заметив веса повисшей на моей руке девушки.

Та не успела среагировать и первые пару метров просто пропахала песок пятками, и лишь после этого кое-как подстроилась под мой темп. Тем не менее, запала не потеряла:

– Тони! Офигел?! А вещи?!

– Забудь!

Ага, как же! Забудет она. Между прочим, немалая часть тех самых завистливых взглядов принадлежала именно ей. Так что она скорее промокнет до костей (что, в общем-то, пофиг – она в бикини) и простудится назло мне, но кайт не бросит. А я ее не брошу. Замкнутый круг какой-то. Придется помочь, видимо.

До рюкзака – майку уже куда-то благополучно унесло, скорее всего, той самой волной – добежали быстро. По пути я еще подобрал планку, мазнул сенсор на пульте и перехватил в воздухе центральный блок кайта, так что на месте не задержались – побросав имущество в сумку, я подхватил ее в одну руку, другой снова вцепился в запястье девушки и рванул к собственному бунгалу. Передвигаться относительно медленно я сейчас был не способен – адреналин просил выхода, а в воду я пока не ходонок. Хорошего, как говорится, помаленьку. Но это все равно проблема, да. И ее как-то придется решать...

До берлоги добраться не удалось – хляби небесные разверзлись и загнали нас в первое попавшееся убежище, коим оказалась крытая пальмовыми листьями веранда пляжной кафешки. Заведение еще не успело открыться, поскольку не было смысла – основная клиентура подтягивалась ближе к вечеру, в том числе и по выходным дням. Зато для нас это оказалось кстати – никто нас не выгнал под дождь. Хотя, если честно, я думал, что тут все насквозь проливается. Но нет, под задранными ветром листьями обнаружился вездесущий биопластик. Да и мебель вся была изготовлена из него же, разве что в стилистике плетенки. Забившись поглубже под навес, мы устроились за укромным угловым столиком и прижались друг к другу боками: как это ни смешно звучало, я впервые за этот месяц замерз. И это после Нового Оймякона, прошу заметить. Тинка же и вовсе заметно дрожала, так что пришлось приобнять ее за плечи. И не скажу, что это было неприятно. Скорее, наоборот. Пришлось даже бороться с греховными мыслями. Не хватало еще опозориться с естественной реакцией молодого организма. Ну его на фиг, потом рюкзаком прикрываться. И неловко краснеть.

– Согрелась? – поинтересовался я через какое-то время, когда девушка в моих объятьях перестала дрожать. По крайней мере, уже не так заметно. – Может, дальше пойдем? Давай я тебя до дома провожу.

– Дурак? – подняла она на меня удивленный взгляд. – Лучше здесь переждать, там же не видно ни черта.

– Ну да, прогнал.

– Еще как! – подтвердила Тинка. – Ты зачем вообще в лагуну полез? Не видел что ли, шторм идет?

– Не-а, – с безмятежным видом помотал я головой, хотя внутри буквально кипел от распивавшего тело адреналина. – Я же не местный. Думал, обычная непогода, даже прикольно будет на волне покататься.

– Тогда ладно. А то я уже начала сомневаться в твоей адекватности, – сменила гнев на милость синьорина Монтанари. – Думала, совсем с головой не дружишь. Тебе что, инструктаж по технике безопасности не проводили?

– В лаборатории только, – пожал я плечами. – А что?

– Хм... значит, и правда тебя Паоло невзлюбил...

– Это главный местный спасатель, что ли? – ухмыльнулся я.

Тоже мне, проблему придумала. Паоло, конечно, тот еще лосяра (причем скорее наш, новооймяконский, а не более мелкий земной), но, как говаривал тренер дед Коля, чем больше шкаф, тем громче падает. Не угроза он мне ни разу, выпендрежник и показушник – мышцами играет, красиво по пляжу бегают, ну и плавает, конечно, как рыба. Тут мне до него далеко. Еще одна характерная черта – предпочитает красные плавки в обтяг. Единственный на всю округу. Как по мне, исчерпывающая характеристика. А вот на ринге мешок мешком. Даже как мальчик для битья не годится, так что я сразу же отогнал мысль отыграться на вероломном красавчике. Толку никакого, а последствий может быть много, в основном административного плана. Лучше уж просто грушу поколочу... а ведь это мысль! Вряд ли сейчас в зале много народу, суббота, да еще и погода подкачала. Никто мне не помешает, можно будет душу отвести. И, что самое приятное, шифроваться не надо.

И еще один нюанс – спорткомплекс аккурат на полпути к дому, и чуть дальше Тинкиного бунгало. Так что убью двух зайцев (наших, новооймяконских – здоровенных и жирных) одним выстрелом. Осталось только оную Тинку уговорить.

– Тин, может, пойдем?

– Куда? – возмутилась девушка. – Сиди, как сидишь. Грей меня. Или даже на это не способен?

Э, нет, подруга. Не нравится мне этот блеск в глазах. Да и обстановочка что-то излишне интимная – никого вокруг, за стенами воеет ветер, по крыше барабанит дождь... ага, уже не

ливень. Да и грохотать вроде перестало. Не, можно идти. И даже нужно. Или я за себя не отвечаю.

– Как хочешь, – пожал я плечами, встав из кресла. – Большая уже девочка, не заблудишься.

– Уверен? – зло сузила глаза девушка.

Ну да, обидно. Кто бы сомневался. Но ничего, потом сама же мне спасибо скажет. За сбережение девичьей чести.

– Уверен, – кивнул я и не оглядываясь побрел на выход.

– Рюкзак забыл!

– Себе оставь.

Ха, надо же, сумел-таки удивить. Она даже не сразу нашлась, что сказать. А когда нашлась, хватило ее лишь на банальность:

– А... а как же ты?..

– А мне не нужен, – на ходу отмахнулся я. – Больше не нужен.

– Но почему?!

Судя по голосу, Тинка едва сдерживала желание догнать меня, вцепиться в плечо и вернуть, чтобы посмотреть в глаза. Но, надо отдать ей должное, свою извечную импульсивность победила. Скорее всего, из меркантильных соображений – а ну как я передумаю?

– Я больше не катаюсь. Просто прими это как факт. Арривидерчи, дорогая.

Вот так. Чуть грубовато и одновременно загадочно. Ну нет у меня желания что-то объяснять здесь и сейчас. Слишком я перевозбужден и накачан адреналином. И с этим срочно нужно что-то делать, иначе неприятностей не избежать...

За пределами веранды было по-прежнему гадостно, хоть ветер уже и не так сильно толкал в спину, да и ливень ослаб – скорее уже просто дождь, и не самый холодный к тому же. А вот небо светлеть даже и не думало. Такое ощущение, что это надолго, до вечера как минимум. Шторм стих, остался обложной дождик, а с таким я здесь еще не сталкивался. Ну и пофиг, опять же. Главное, до спорткомплекса добрел без приключений. Хотя спорткомплекс слишком громко сказано. Очередной угрюмый параллелепипед из на сей раз фиолетово-серого биопластика, с большой вывеской «Marco's Gym» на фасаде. Этот самый Марко являлся главным тренером казенного заведения, но занимался в основном качками, хоть и держал в зале боксерский ринг и пяток разнокалиберных груш. Еще какое-то разнообразие вносили обширные панорамные окна – верно, из прозрачного пластика. Плюс расплывчатые граффити, по этой самой причине совершенно нечитаемые. Где-то там пристроилась и моя отметка в виде короткого хайку:

Глаза вылезают на лоб,

Сто двадцать кэгэ на грифе.

Буду могучим.

Впрочем, образчик японской поэзии никто не оценил. Написал по-английски (получилось убого) и по-русски (гораздо благозвучней), но второго языка тут никто не знал. Но мне опять же было пофиг, поскольку хайку я сочинял по велению души, а не для чьего-то развлечения. Фиксировал, так сказать, магию момента. Что характерно, в полном соответствии с канонами.

Поскольку зал числился в муниципальной собственности, доступ для обитателей научного городка в него был круглосуточным – достаточно мазнуть по магнитному замку браслетом-интеркомом. Впрочем, за прошедший месяц я не заметил у данной категории населения особенного рвения к бодибилдингу. Любители тягать железо предпочитали занятия по расписанию, поскольку к ним в нагрузку шла возможность почесать языками с такими же больными, да и просто потусить в приятном месте. Особенно учитывая тот факт, что и девчонки зал стороной не обходили. А вот в выходные, рано утром или поздно вечером помещение в основном

пустовало. Разве что на самого Марко можно было нарваться. Но, опять же, только не сегодня – выходной, неурочное время плюс непогода сводили вероятность такой встречи к нулю. Что меня более чем устраивало. Нельзя мне сейчас с людьми, ибо чревато. А вот груша-восемидесятка и десятиунцовые перчатки более чем удачная компания. Бинты и саппорты голеностопа хранились в моем индивидуальном шкафчике, а больше ничего и не надо – только аквашуты стянуть с ног, чтобы ребристыми подошвами не царапать инвентарь.

В тренажерном зале было темно и непривычно пусто, но свет зажигать я не стал. Грушу видно, и ладно. А споткнуться обо что-нибудь по пути тем более проблематично. На ринг не полезу, не с кем спарринговаться, так что остается мой любимый снаряд – восьмидесятикилограммовый набивной мешок с меня ростом. Отличная штука, хоть и тяжеловата под мою весовую категорию – чуток до восьмидесяти же кило не дотягиваю, классический полутяж. И это при росте в сто семьдесят семь. В сантиметрах, естественно, не в дюймах. Но сейчас это даже плюс, можно будет от души вкладываться в каждый удар. А просто поплясать-продышаться и на ринге можно, с живым противником.

Так, пол вроде сухой, не навернусь невзначай. Понеслась, что ли?

Пробный джеб, еще один, потом хук – классика. Двочка, левый в печень, апперкот... сильнее! Еще сильнее! Чтобы до ломоты в руках, до срыва дыхания! Лоу, мидл, хай – все с правой, еще раз, и сразу левый хай-кик. Отскок, фронт-кик, еще один хай... бэк-кик в прыжке с разворота... поймать отлетевший мешок, вбить колено... еще, и еще, и еще!.. Снова руки... отскок... хил-кик...

Элементы бокса, кикбоксинга, муай тай – все, что позволяет хорошенько вложить массу и выплеснуть подстегнутую до сих пор нерастраченным адреналином ярость. Трехминутный отрезок бездумного молотилова, минута отдыха – тут я даже без браслета справлялся, биологические часы, настроенные на нужный ритм еще в школьные годы, помогали – и снова в бой...

... примерно через час, когда я, совершенно обессиленный, сидел на сорванной с подвеса измочаленной груше, пришла Тинка. Я ее даже не сразу заметил, среагировал, только когда она уронила к моим ногам мой бывший рюкзак и попросила подвинуться. А вы как хотели? По факту, пятнадцатираундовый бой выдержал, даже хуже – на ринге и передохнуть можно, а тут все время в активном движении и исключительно силовые удары. Так что на сопротивление не осталось ни сил, ни желания.

– Что Марко будешь говорить? – начала девушка с банальности, хотя явно хотела спросить что-то другое.

И я даже догадывался, что именно. Тут не надо быть семи пядей во лбу, как говаривал дед Виктор.

Пока же я лишь безразлично улыбнулся. Тоже мне, нашла проблему. Закажем новую за мой счет, и все дела.

– Тони?..

Выглядела Тинка... даже не знаю... жалко, что ли? Попала под дождь – что не мудрено, тот до сих пор по крыше колотил – но явно побывала дома, если судить по шортам, топу и сланцам. Правда, одежда тоже от хлябей небесных пострадала... или не только от них – под мокрым топом угадывался давешний лиф. Натянула поверх первое, что нашла, да бегом в спорткомплекс. И все ради того, чтобы со мной, неблагодарным, поговорить. Возможно, по душам. И сейчас смотрела на меня очень жалобно, как она умеет. Правда, раньше я таким взглядом одаривался, когда от меня требовалось что-то осязаемое – помочь с опытом, например. Или поделиться реагентами, потому что ей на склад лень топать. И обычно ее волосы были аккуратно уложены, а сейчас слиплись в сосульки и чуть ли не торчали во все стороны, в том числе пара прядей на лицо сбилась. И это несмотря на попытку кое-как заплести их в косу. Ч-черт, а ведь так она еще очаровательнее! Нет, не вестись. Хотя вроде бы и не трясет от адреналина... но кто его знает. К черту, от греха.

– Тони, ты чего молчишь?

В голосе девушки прорезалось отчетливое беспокойство за меня, бестолкового, и я решил ее больше не нервировать:

– Со мной все в порядке. Теперь уже точно.

– Уверен?

– Более чем.

– Может, теперь расскажешь, в чем дело? – Не ограничившись словами, Тинка предпочла развить успех – прижалась ко мне и положила голову на плечо. А на втором пристроила руку, этак по-сестрински (точно по-сестрински, зуб даю!) приобняв. – Я же не могу просто так... – быстрый взгляд на рюкзак – ... вот это принять.

А ведь верно. Вещь цены немалой, поскольку импортная. Тут такой днем с огнем не отыскать. Так что повод железный. Хотя я ни за что не поверю, что дело исключительно в моем кайте. Скорее, в природном женском любопытстве, помноженном на симпатию. Впрочем, это тоже достойная причина, так что не буду ее разочаровывать.

– Я же тебе сказал, что можешь забрать, – зашел я издалека. – Считаю, что это подарок.

– А за что?..

– Просто так.

– Так не бывает...

– Бывает. Мне он больше не нужен. Поэтому я отдаю его тебе. Просто потому, что мне приятно. Опять же, не Паоло отдавать? Обойдется, крысеныш.

– Тони!

– Ладно, ладно!.. – Так и придется колотиться, не отстанет. – У меня есть старший брат, Данька...

– Как-как?

– Даниэль, Дэниэл... это уменьшительно-ласкательное.

– А-а-а... Понятно.

– Так вот... брат... старший, да. Спортсмен-экстремал. Был.

– Был?..

– В смысле, спортсмен был. Сейчас уже не спортсмен, завязал. А завязал потому, что однажды, участвуя в гонках на снегокатах – это такие скоростные машинки на реактивной тяге, по льду гоняют... а?..

– Льду?

Ну да, она же дитя тропиков... а льда тут даже в холодильниках нет, я про это уже рассказывал... она про него знает, хотя бы из курса астрономии, но с трудом может представить, чтобы все вокруг было ледяное. Свезить ее на Новый Оймякон, что ли?

– Ну да, по льду... короче, он попал в аварию. Остался жив, но лишился ног. Больше года по клиникам провалился, на восстановлении. Хлопотное, знаешь ли, занятие – пока новые ноги отрасли, пока заново ходить научишься... После этого он решил, что его больше привлекает карьера управленца в Корпорации, нежели экстремальный спорт.

– Хм... разумно. Даже не скажешь, что это твой брат.

Ага, не цепляет история. Вон, уже ерничать начала. Но ничего, сейчас я тоже на жалость давить буду.

– Это лишь одна сторона медали. Как ты понимаешь, была и вторая – наша мать. Представляешь ее реакцию?

Судя по погасшей улыбке, Тинка представила. Видать, до печенок проняло. Я, уж на что тогда мелкий был – двенадцать лет всего, и то запомнил, как мать переживала. Полгода ходила, как привидение. И только когда ноги Даньке восстановили, немного ожила. И все равно долго нервничала – а ну как старшенький окончательно в себя не придет? Вдруг хромота останется? Или суставы к непогоде ныть будут? Это не мои слова, а отцовские. Тот, конечно, переволно-

вался, но непосредственно в день катастрофы. Как только медики заверили, что реабилитацию осуществить возможно, начал к проблеме относиться философски – мол, любой опыт впрок. И особенно такой, на крови.

– Это была предыстория. А история заключается в том, что уже тогда у меня начались проблемы – я, как бы помягче выразиться, адреналиновый наркоман. И брат был, это на него глядячи я тоже в экстремалы подался. В десять-то лет. Самоконтроля никакого, втянулся очень быстро. Правда, настолько самоубийственными забавами не баловался. Сноуборд, горные лыжи, летом скейт, маунтинбайк... больше всего кайфовал от скорости. А потом начал и от риска – трюки все усложнялись, начались травмы... вплоть до переломов.

– Хм... а ты раскрываешься с неожиданной стороны, Антонио!

– Угу. Вот только маменьке это очень не нравилось. С увлечениями старшего она смирилась, да и влиять на него уже практически не могла – тому на момент аварии было почти восемнадцать, а у нас совершеннолетие в шестнадцать. А на меня давила. При этом отец был совсем не против, поскольку сам такой же. И назрела реальная проблема. Мать в истериках, отец запрещать мне заниматься спортом не желает, но в конце концов тоже убеждается, что я для своих лет излишне, скажем так, рисковый. И придумывает, как ему кажется, идеальный выход – заставляет меня заняться единоборствами. Я, в принципе, и раньше занимался, но все больше спортивными – бокс, кикбоксинг... а тут начали меня грузить философией с уклоном в самоконтроль. Есть у него один знакомый, тренер дед Коля. Большой спец по древним китайским методикам... короче, хотели как лучше, а получилось, как всегда. Я уговорам поддался, самоконтролю научился, только рисковать начал еще больше – совершенно осознанно, серьезнейшим образом продумывая каждый последующий трюк. И это в двенадцать лет! Предки форменным образом струхнули, а тут еще Данька вляпался... мать устроила истерику лично мне и взяла с меня обещание, что я никогда, ни при каких обстоятельствах не буду так рисковать. Я тогда пообещал – очень уж меня впечатлил укороченный братец. Отец не был столь категоричен, но тоже дал понять, что в общем и целом мать поддерживает. Он не против риска, но разумного и оправданного. А стремление свернуть шею ради адреналинового кайфа он в качестве такового даже не рассматривает. Вот как-то так. С тех пор я перепробовал много всего, в том числе и экстремального, но обозначенных границ не пересекал. По крайней мере, в начале. Но всегда, рано или поздно, наступал такой момент, когда я утрачивал контроль. И всегда это было для меня сигналом – завязывай.

– Как сегодня?..

– Именно. Я слишком увлекся. Заигрался. Сама видела, что было. Так что забирай кайт, мне он больше не нужен. И это не обсуждается.

– Беденький...

И ведь она совершенно искренне! Вот черт...

– А ты радио случайно не включал? – ни с того, ни с сего перескочила Тинка на другую тему. – Ну, когда Марко инвентарь портил?

– Нет... а должен был? И это ты вообще к чему?

– Да так, к слову пришлось... мне же скучно стало, когда ты ушел. Вот и полезла в сеть. А там везде: «Сенсация!», «Первый случай за всю историю наблюдений!» и еще много всякого. Начала смотреть, но не поверила. Пришлось к официальным источникам обращаться.

Ну да, радио как раз один из них. Даже в тех местах, где Ноосфера недоступна, передачи длинноволнового диапазона ловятся. Так что радиоэфиру местные даже больше доверяют, чем сетевой помойке и телевидению.

– Чему не поверила-то?

– Помнишь, я тебе про волну говорила?

– И?

– Оказывается, это была... как там ее... а! Цунами! А причиной ее образования, если ты не в курсе, послужило подводное землетрясение. Где-то недалеко от нас, в паре сотен километров, быть может. Так что ты счастливчик, Тони. Мало того, что в шторм в воду полез, так еще и под такую диковину угодил!

– Н-да... как это типично.

– Что, всегда так? – сделала большие глаза Тинка.

– Угу. Почти всегда вляпываюсь. Вот, помню, на сноуборде катался одно время... и черт меня дернул напоследок по лавиноопасному склону съехать. Ногу сломал в итоге. И ведь знал, что не стоит оно того, но все равно полез. Пришлось потом на горные лыжи перепрофилироваться, только закончилось все аналогично – сломал другую ногу.

– А как-то по-другому не пробовал проблему решить?

– А как ее еще решишь? Самоконтроль, больше никак. Беда в том, что мне периодически просто необходим выброс адреналина. До известных пределов это допустимо, но стоит мне пересечь черту, и я уже не могу остановиться. Тогда только бросать. Сразу и навсегда. Как ампутировать зараженную конечность.

– А как-нибудь отвлечься?

– Да я всю сознательную жизнь пытаюсь отвлечься. Отец говорит, что это во мне гены бунтуют, что мне надо работать в СБ... но я ученый! Мне наука нравится, а не шпионские игры! У нас столько проблем, есть куда приложить руки.

– Но ведь не помогает!

– Помогает. Но не всегда. Иногда срываюсь.

– А вот это? – Тинка ткнула в измочаленную грушу наманикюренным пальчиком и брезгливо скривилась.

– Надо же мне было как-то энергию выплеснуть...

– Бедный... а с девушками не пробовал? Столько энергии зря перевел...

Н-да. Откровеннее уже просто некуда. Осталось ей меня прямо здесь завалить, на груше. Или на грязном полу. Хотя нет, лучше на ринге. Такого у меня еще не было. Готов поспорить, что и у нее тоже... так, стоп!..

– Тинка?

– А?

– А пойдем сегодня на танцы?..

Судя по недоумению в глазах девушки, удивилась она не меньше меня самого. Но все же кивнула, чуть помедлив. Не, ну а че? Все равно ведь не отстанет, так лучше пусть по моему сценарию события развиваются. Кафешка у нас сегодня была. На дискотеку сходим. Потом останется прогулка под луной... а может и не одна. Не буду события форсировать.

–//-

Система: Нуэво Сол

Объект: Колония Терра-Нова

Пункт дислокации: бывшая территория Корпорации STG, остров Ла Пинца, научно-исследовательская база Университета Патриа-Нуэво

11 октября 2168 года

Проснулся я от бьющего в глаза света. Снова. Только на сей раз полосы были вертикальными – от решетки на окне. То выходило на светлую сторону, да и сам околоток, то бишь полицейский участок Ла Пинца, острова и одноименного городка, располагался неподалеку от пляжа. По той простой причине, что все значные и просто сомнительные заведения типа кабаков, дансингов и ночных клубов кучковались тут же, относительно компактно, дабы не нарушать покой нормальных жителей, сосредоточенных в основном в спальных райончиках. Или как у нас, в научном городке, в котором жилой сектор и вовсе к скале приткнулся. Работы у местных копов – карабинеров – было немного, преступность у нас в основном проходила по

ведомству Морского патруля – браконьерство да контрабанда, так что на долю сухопутных правоохранителей оставались только пьяницы и дебоширы вроде меня. Нет, поймите правильно, я не алкоголик, меру знаю. И вчера все было чинно и благородно: посиделки за столиком в любимом Тинкином ночном клубе – «Коралловом рифе», перемежаемые выходами на танцпол, причем не только на медляки, легкие коктейли... даже первый поцелуй у нас случился – робкий и немного неловкий, как раз под один из медляков. А потом принесла нелегкая того самого Паоло с друзьями, всего в количестве пяти рыл. И угораздило его наши обжимашки заметить. Я далеко не дурак, хотя некоторые и придерживаются иного мнения, так что уже давно просек, что главный пляжный альфа неровно дышит в сторону тех самых некоторых. А Тинка его откровенно игнорит. Получается разрыв шаблонов: как так, меня, такого красивого и мускулистого, в упор не видят? Обидно. И наверняка ведь дело не во мне, а в залетном белобрысом хлыще, ботане и зануде. Стало быть, что нужно предпринять? Правильно. И вышла у нас банальнейшая разборка альфы с омегой. Вот только по результатам получилось, что претендент на роль альфы, как бы это помягче... опозорился, да.

Если честно, драться у меня никакого желания не было. Отвел душу у Марко, да и устал порядочно. Хотелось чего-то в меру активного, как потоптушки на танцполе, или ритуальные обжимашки в медленном танце. Да и просто поболтать – акустика в клубе устроена с умом, в зоне столиков грохот почти не слышен благодаря форме потолочных перекрытий и пристроя к основному залу. Тинка, естественно, пожелала развить тему дневного разговора, я не возражал, вот мы и обменивались детскими воспоминаниями – кто, когда, где и с кем накосячил. Было интересно и весело, время летело незаметно. А потом кое-кто пожаловал.

Причем, надо отдать ему должное, действовал с фантазией – сначала как бы невзначай задел меня плечом, и только затем, когда я отлип от изменившейся в лице Тинки и повернулся к возмутителю спокойствия, еще и залил мне пузо коктейлем. И ведь самый яркий выбрал, ядовито-оранжевый. Ладно хоть не в лицо плеснул, а то дело бы кончилось как минимум тяжкими телесными. Но на сей раз обошлось – я таки сдержался. Ровно настолько, чтобы зрители к потехе успели подготовиться. На танцполе и так не очень много народу было, а тут вдруг словно по волшебству вокруг нас свободное пространство образовалось – видать, завсегдатаи уже в курсе ритуала, как и моя спутница. И Тинке, в отличие от остальных, назревающий конфликт был совсем не по душе. Мне тоже, но... кто бы меня спрашивал? С первого взгляда на Паоло стало ясно, что без рукоприкладства не обойтись. Слишком уж он был уверен в превосходстве и прямо-таки лучился самодовольством – еще бы, с четверкой клеветников за спиной! Поэтому пришлось сделать вид, что я до глубины души возмущен порчей парадной одежды (и это действительно так, ради выхода в свет я приоделся в белую тенниску, джинсы и топсайдеры, то есть более чем прилично по местным меркам), и пустить в ход кулаки.

Как раз в этот момент и приключился конфуз – красавчик Паоло вырубился от первого же хука. Хотя должен признать, тут и доля моей вины была – не стал сдерживаться, от души врезал. Просто и бесхитростно, не размениваясь на финты. Костяшки на левой руке рассадил, блин. Ну а дальше все по сценарию – долгие и упорные танцы с оставшейся четверкой. Этих на вынос я бить не стал, умерил силу. Зато поиздевался знатно, расквасив носы и наставив синяков. А еще повалял по танцполу, попрактиковавшись в ударах ногами и бросках. Это гораздо лучше запоминается, нежели внезапный отруб, когда вражина даже не успевает понять, что именно с ней стряслось. А еще мне было интересно, как долго я смогу продержаться против четверых дилетантов, не получив серьезных повреждений. Как выяснилось, достаточно долго, чтобы вмешалась сначала охрана клуба, а потом и подоспевшие карабинеры. Остальные посетители клуба, что характерно, так и оставались в роли зрителей, что противоречило моему студенческому опыту – у нас на Новом Оймяконе такие стычки зачастую перерастали во всеобщую свалку. А тут все чинно-благородно: пятеро дерутся, шестой не мешай. В какой-то мере даже честно. Впрочем, я и тут мог накосячить, по незнанию нарушив некие местные традиции

выяснения отношений. Но мне было, как обычно, пофиг. Потому что меня наконец отпустило – как оказалось, изуродованной груши было маловато. И я даже не стал оказывать сопротивления секьюрити, хотя без этого драка в клубе как бы и не драка – по нашим, новооимьяконским, понятиям. Безропотно подставился под слабенький шокер и сделал вид, что потерялся. Потому меня и копы месить не стали, надо думать. А побитую четверку просто пожалели – они выглядели куда хуже меня. У меня в пассиве, если не считать убитую тенниску, небольшая ссадина на нижней губе и чуток горящее ухо – не очень чисто от размашистого крюка увернулся, кто-то из четверки задел-таки. Зато в плюсе законная гордость, глубокое чувство удовлетворения и полнейшее отсутствие чувства вины. Ибо жалеть не о чем. А как на меня Тинка смотрела! Реально, она меня сегодня узнала с самых неожиданных сторон. И, зуб даю, эти стороны ей понравились куда больше, чем занудство и ботанизм в повседневной жизни и работе.

А потом нас всех, включая заворочавшегося на полу Паоло, загнали в местный патрульный экипаж, смахивавший на банальный микроавтобус, только с зарешеченными окнами пассажирского салона, и увезли в участок. Там, против ожидания, загнали в одну камеру с явно недостаточным для нас всех количеством пластиковых нар, и пара карабинеров, сопровождавших нас во время позорного пути, принялись за нами с интересом наблюдать. Ну да, им на дежурстве скучно. Впрочем, знатного представления не получилось – сунувшегося за добавкой Паоло я успокоил коротким прямым в «солнышко», а на дернувшихся было на помощь клеветников просто рыкнул, напустив на себя самый зверский вид. Противник предпочел позорно ретироваться, прихватив сияющего вздохнуть предводителя, а я заполучил в единоличное пользование нары вдоль одной из стен, на которые и улегся, проигнорировав обиженно ворчащих конкурентов-соседей. Правда, уснуть не успел, потому что примчалась Тинка. Долго причитать (ой, бедненький, тебе наверное больно...) я ей не позволил, а от награды в виде поцелуя (мой герой, ты меня спас!) отказываться не стал. Пусть порадуется. Вряд ли из-за нее самцы часто такие масштабные разборки устраивают. Нет, наверняка друг другу юшку пускают, но чтобы так эффектно, да еще при таком скоплении зрителей...

Как чуть позже выяснилось, Тинка прибежала взять меня на поруки. Но ничего не вышло – хоть она и была совершеннолетней, а денег у меня самого на залог более чем хватало, карабинеры пошли на принцип: правонарушение слишком крупное, надо бы в поручители кого-нибудь посолиднее. *Domani, signorina, scusate*[6]. Покойной ночи.

Делать нечего, пришлось смириться. Попрощались (причем гораздо теплее, чем раньше, я даже еще один поцелуй получил) и разбежались. А потом я спать лег – к жесткому ложу было не привыкать, да и устал, если честно. Правда, перед сном успел украсить стену узилища еще одним образчиком японской поэзии:

Юшка из носа,
Ноют разбитые ребра.
Учусь на ошибках.

Буду честен, на творчество вдохновили унылые рожи побитых клеветников. Но мои усилия снова никто не оценил. Даже обидно самую чуточку.

Ну а потом, по субъективным ощущениям буквально через пару секунд, случилось пробуждение. Чувствовал я себя на диво хорошо – полученные накануне повреждения оказались настолько незначительными, что я о них уже позабыл. Бланшей нет, и прекрасно. А ломота во всем теле и тупая боль в мышцах даже доставляли некое извращенное удовольствие, знакомое всем спортсменам. Обычно так бывает после хорошей тренировки. И никаких нервов, никаких стрессов... и мук совести. Тем более, что в камере я был один – Паоло с клеветниками уже отпустили. И не удивлюсь, если еще с вечера. А для меня сделали исключение – подозреваю, только для отчетности. Ну, и чтобы потом было чем в баре коллегам хвастаться. Еще бы! Целую ночь продержали в кутузке дебошира, в одиночку отделившего пятерых в «Коралловом рифе».

Так, спать больше не хочется. Умыться, что ли? Благо санузел в моем полном распоряжении...

От водных процедур меня отвлекли шаги и скрип решетки. А так как с текущими (во всех смыслах, хе-хе) делами я уже почти покончил, то предпочел оглянуться на шум.

– Не ожидал от вас такого, Антониос.

Я, признаться, тоже, потому не придумал ничего лучше, как хмыкнуть:

– И вам доброе утро, профессор. Рад видеть.

– Боюсь, не могу ответить взаимностью, – поджал губы сухонький и седой как лунь старичок – мой (и Тинкин) непосредственный начальник и научный руководитель Георгиос Спанидис, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Патриа-Нуэво, почетный профессор Университета Нового Оймякона, и прочая, и прочая. Как всегда затянутый в белый летний костюм, при галстукке и трости. – Весьма сомнительное удовольствие вытаскивать из кутузки в воскресенье утром нерадивого аспиранта.

– Вам Тинка позвонила, что ли? – нахмурился я.

Вряд ли кто-то еще, только эта взбалмошная девица могла до такого додуматься. Это ж надо, начальство подтянуть! По уму, как раз от него инцидент утаить не мешало бы. Хотя в Ла Пинца это невыполнимая задача – новости разлетаются в миг. Да и знает она профа куда лучше меня, как-никак, уже несколько лет под его началом трудится, а не месяц, как я. И проболталась наверняка о причине побоища. А старый Георгиос, как я уже имел возможность убедиться, романтике был не чужд. Видать, сам в молодости знатно покуролесил. И сейчас, если вдуматься, играл на публику – гремящего ключами карабинера. Предсказать реакцию стража порядка на открытое одобрение моего вчерашнего дебоша я бы не взялся – может, посмеялся бы, а может и обиделся. Вплоть до задержания еще на двадцать четыре часа. Так что все правильно профессор делал. Да и мне не помешало бы подыграть – скорчить рожу попростнее и стыдливо уставиться на носки топсайдеров. Ничего более интересного в ближайшей округе не наблюдалось, разве что роскошное оранжевое пятно на пузе. Но с потерей тенниски я уже смирился. К тому же ночью обнаружился неожиданный плюс от испорченной одежды: аромат цитрусового микса надежно забивал вездесущую вонь биопластика, здесь, в казенном заведении, особенно заметную.

– Ты еще долго, Джузеппе? – счел нужным возмутиться проф на слишком уж медленного копа. – Я не намерен терять ни единой лишней минуты из моего выходного.

– Повезло, – не удержался я от ухмылки. – Легко отделаюсь, получается.

– И не надейся! – немедленно поставил меня на место Георгиос. – Завтра же жду с отчетом по последней серии опытов!

– Профессор! – возопил я, и отнюдь не притворно – ну его на фиг, если не шутит. Там еще работы на неделю, не меньше. – Почему вы со мной так жестоки? Меня вчера побили, у меня похмелье... и ничего смешного!

Карабинер Джузеппе, даже не пытаясь скрыть ухмылку, закончил ковыряться с замком и демонстративно распахнул решетчатую дверь:

– Задержанный, на выход!

Я, естественно, дожидаться повторного приглашения не стал и вымелся из камеры, дисциплинированно пристроившись рядом с суровым профом.

– Чего застыл? Прямо и направо, в седьмой кабинет!

– Чего это?

– Того это. Кто залог платить будет? Синьор профессор? – Коп с нескрываемым удовольствием смерил меня сочувствующим взглядом и повесил связку ключей на пояс. – Готовься с месячным жалованьем расстаться, не меньше. И радуйся, что мировой судья в хорошем настроении, а то бы неделю у нас погостил. А может и две.

Ну-ну. Попробовали бы. Мне бы ведь тоже скучно было, а поскольку терять уже нечего, я бы себе ни в чем не отказывал. А фантазия у меня богатая, в отличие от того же профессора – тот предпочитал верить исключительно доказанным научным фактам. Начал бы, к примеру, с матерных частушек. Потом бы перешел на хулительные хайку на трех языках – русском, английском и английском матерном, чтобы уж точно до адресатов смысл донести. Ну и там по мелочи: кружкой по решетке поколотить, голодовку объявить, адвоката требовать, в идеале столичного...

– Антониос, пойдемте, – потерял терпение проф.

Зато, судя по вежливой форме обращения, самообладание к нему вернулось. Хотя скорее отпала необходимость в показухе – Джузеппе остался за поворотом.

В седьмом кабинете мы надолго не задержались: я получил обратно изъятые вчера вещи – браслет, ай-ди, служивший заодно кредиткой, и смартфон – тот самый противоударный, папенькин подарок; быстренько использовал ай-ди по назначению, слегка облегчив банковский счет, и поспешил увести профессора из околотка. Нечего ему в таких местах светиться, для репутации плохо. Он, как-никак, помимо всего прочего еще и почетный гражданин Ла Пинца, города и острова. А вообще хорошо, что сегодня воскресенье. В любой другой день еще бы и с мировым судьей пришлось пообщаться, что тоже удовольствие сомнительное. А так озвучили сумму штрафа, подивились моей бесстрастной роже (сумма реально для местных оказалась немалой), подтвердили перевод денег да и выпроводили вон из участка.

Едва оказавшись за пределами околотка, я демонстративно вдохнул полной грудью и громко, чтобы копы на территории услышали, прокомментировал ситуацию:

– Пьянящий воздух свободы! Вам, сатрапам, не понять!

Карабинеры-патрульные, впрочем, моих стараний не оценили – как шлялись по территории, так и шлялись. И даже коситься в нашу с профом сторону перестали, поскольку не интересно и лениво.

– А вы, Антониос, ни капли не раскаиваетесь, – констатировал Георгиос, укоризненно покачив головой.

И уставился на меня в задумчивости, машинально поглаживая гладко выбритый подбородок.

– Есть немного, профессор, – не стал я спорить с очевидным.

– А у вас проблемы, молодой человек, – поджал губы проф, пораженный моей бестактностью. – Вы, оказывается, антисоциальный элемент. Не ожидал, не ожидал.

– Зато никто не умер.

Вот так вот. Предельно серьезно, без хиханек да хаханек. Так что даже старого профа до печенок пробрало. По крайней мере, он не нашелся, что ответить. И, надо отдать ему должное, в душу лезть не стал. Георгиос Спанидис хоть и любопытен от природы, как всякий большой ученый, но еще и деликатен не в меру.

Некоторое время мы молча шагали рядом – я разглядывал пятно на пузе, а профессор думал о чем-то своем. Потом я остановился, набрал побольше воздуха в грудь и с чувством продекламировал:

Греет ладонь рукоять,
Погибель сулит клинок.
Умру свободным.

Хм, а ничего так получилось, даже по-английски.

– О чем это вы, молодой человек? – оживился профессор. – Никак бунтовать вздумали?

– Только в мыслях, профессор, только в мыслях, – рассмеялся я. – Просто момент запоминающийся, вот и выплеснулось.

– Это хокку?

– Хайку. Хотя разницы особой нет.

– Так вы еще и поэт, Антониос! Гремучее сочетание...

– Есть немного, – не стал я скромничать. – Хотя поэт сильно сказано. Со скальдической поэзией, к примеру, так и не совладал, а ведь происхождение обязывает! Пришлось освоить что попроще... проф, это у вас, или у меня?

Вряд ли у меня, я вчера свой смарт на вибро выставил, а сегодня звук прибавить не успел. Да и мелодию такую – старый добрый «Сиртаки» – я вряд ли бы стал как рингтон использовать. Скорее бы «Полет валькирий» заюзал, хотя вряд ли.

– У меня, – подтвердил профессор и прижал трубку к уху: – Спанидис слушает. Что?.. Чезаре, успокойтесь... Говорите толком, что случилось... понял... сейчас буду.

– Что?! – уставился я на руководителя, когда тот спрятал смартфон и устремил потерянный взгляд куда-то вдаль.

Такое я уже видел, и неоднократно – обычная реакция Георгиоса на нестандартную ситуацию. Что-то где-то наверняка стряслось. Вообще-то пофиг, но есть один нюанс – как бы Тинка во что не вляпалась. Я после вчерашнего за нее начал испытывать что-то вроде чувства ответственности. Уже не братского, но еще и не... даже не знаю, как правильно сказать. Не бойфрендовского, что ли...

– В дельфинарии что-то, – очнулся профессор после того, как я коснулся его плеча. – Не сказать, что серьезное... но толком я не понял. Нужно сходить посмотреть.

– Можно я с вами?

– Почему нет? – пожал плечами проф. – А переодеться вам не надо, Антониос?

– Да пофиг, – легкомысленно отмахнулся я. – Скажу, что это принт такой. Хэнд мэйд, штучный дизайн, все дела.

– В таком случае не смею препятствовать.

На том и порешили.

–//–

Там же, тогда же

Шагать пришлось недолго – вызволив меня из каталажки, профессор на автопилоте направился аккурат к родной лаборатории, и мы к моменту звонка одолели уже добрую половину пути. Так что к комплексу серых построек за высоким бледно-зеленым забором – естественно, биопластиковых – подошли минут через пять. Был бы я один, и вовсе бы за пару минут домчался. А так пришлось под профа подстраиваться. А тот посчитал, что передвижение мелкими шагами вприпрыжку (это в его интерпретации называлось бегом трусцой) ниже его профессорского достоинства. К тому же особой срочности и не было, иначе бы уже всю сирены надрывались. Но вот то, что в комплексе что-то неладно, чувствовалось издалека – по разноголосице криков в диапазоне от панических до азартных. Среди последних особо выделялось Тинкино звонкое меццо-сопрано. Вот кто бы сомневался! Слишком уж деятельная натура у синьорины Монтанари.

На территорию попали без труда – проф мазнул браслетом по сенсору замка, и перед нами гостеприимно распахнулась калитка, от которой засыпанная мелкой галькой дорожка вела к бассейну, выполнявшему помимо прочих еще и функцию вольера для специально обученных дельфинов. Таковой сейчас на территории исследовательского комплекса обитал ровно один – Люченате, он же Быстрый, он же Лучиано, а Тинка и вовсе звала его Лу. Крупный самец дельфина-белобочки, выходец из Средиземноморья, как и все здешние поселенцы. Говорят, с ним жила подружка, но я ее не застал – ее перевели на другую базу еще до моего приезда. Вроде бы как у нее возникли осложнения с беременностью, вот и отправили с глаз долой из сердца вон, под присмотр профильных специалистов. Лу тогда здорово горевал, но довольно быстро оправился от душевной боли, и я познакомился уже с нормальным, веселым и общительным, существом. Суицидника он ничем не напоминал, равно как и угрюмую нелюдимую личность. Так что даже и не понятно, с чего кипишь... а с другой стороны, кто, если не он?

Короче, любопытство все же выиграло, и я, не сдержавшись, рванул к бассейну бегом, на ходу стягивая изгвазданную тенниску. Профессор поймет и простит. Наверное. А если и не простит, то плевать. Потому что в голосе Тинки вдруг прорезалось нешуточное беспокойство, такое ощущение, что ситуация начала выходить из-под контроля. Знать бы еще, что за ситуация... но ничего, в процессе разберусь, не впервой.

Проигнорировав несколько боковых ответвлений дорожки, ведущих к лабораторным боксам, центральному офису и всяческим вспомогательным объектам типа эллинга и гаража, я стрелой домчался до серой скругленной стены – именно так со стороны двора комплекса выглядел бортик бассейна – взлетел по хлипкой лестнице, напоминавшей пожарные у меня на родине, пронесся по настилу шириной в пару метров, умудрившись на ходу избавиться от топсайдеров, и с разбегу сиганул в воду, в последний момент слегка подправив траекторию и потому благополучно избежав лобового столкновения с Чезаре – местным служителем, на манер поплавок болтавшегося на поверхности неподалеку от сходней. Воспользоваться оным приспособлением я не удосужился: с одной стороны, тупо про него забыл, с другой – прыжок рыбкой с хорошего разбега выглядел куда пафосней, чем спуск по ступеням. Да и просто быстрее, если разобраться. А оказавшись в толще воды, я внезапно осознал еще одно преимущество такого появления – отсюда, почти от самого дна, открывался неплохой вид на акваторию. Причем с очень любопытного ракурса. По крайней мере, раньше я Тинку с такой позиции не наблюдал, а потому был лишен удовольствия полюбоваться настоящей нереидой – грациозной, ловкой и прекрасной, как сама Афродита. Естественно, пока молчит, хе-хе. А потом взгляд мой переместился на мечущуюся вокруг девушки двухметровую черно-белую тушу с характерными желтыми полосами с обеих, так сказать, бортов. И если в действиях синьорины Монтанари прослеживалась хоть какая-то система – она просто банальнейшим образом уворачивалась от дельфина, то последний хаотично бросался из стороны в сторону со сменой горизонтов. И, такое ощущение, то пытался протаранить внешнюю стенку бассейна напротив гильотинной переборки, отделявшей собственно бассейн от остальной лагуны, то мчался в прямо противоположном направлении, замедляясь в последний момент перед столкновением с препятствием – на сей раз задней стеной – и каким-то чудом отворачивая. А Тинка пыталась вовремя убраться с его пути. Понятно теперь, что ее беспокоит. Явно не опасность, угрожающая лично ей, она больше о Лу печется. Все-таки питомец, которого она привыкла изо дня в день холить и лелеять. Раньше она и его подружку вниманием не обделяла, а теперь вынужденно переключилась на единственный оставшийся в пределах досягаемости объект. Не мудрено, в общем-то, что она к нему так привязалась.

Все это промелькнуло у меня в мозгу в течение тех секунд, что потребовались для достижения поверхности. Вылетев из воды, что твоя пробка, я немедленно плюхнулся обратно, на сей раз даже не окунувшись с головой, и интенсивно заработал руками, загребая в сторону растрепанной шатенистой головы, торчавшей метрах в десяти прямо по курсу. Должен сказать, бассейн у нашего дельфина был очень даже просторный, особенно для одного обитателя – метров пятьдесят в диаметре. В диаметре, поскольку по большей части представлял собой окружность, срезанную по короткой хорде лишь по левому краю, если смотреть со стороны двора лабораторного комплекса. В том месте к заполненной морской водой емкости примыкал небольшой... да пусть будет элинг – назначение-то схожее. За тем лишь отличием, что в нем был устроен низкий помост вровень с уровнем воды, на котором проводились профилактические осмотры пациента, в нашем случае Люченге. Естественно, тот перед процедурой должен был на него выпрыгнуть. Ну, для нормально обученного дельфина это не проблема. Правда, иногда онный пациент начинал артачиться, и загнать его в элинг стоило больших трудов. Но только не сейчас – я наконец понял, что меня терзало все эти мгновения. Во-первых, дельфин не переставая верещал, от чего немилосердно давило на уши (и под водой тоже), а во-вторых, он все больше и больше сужал траекторию метаний, явно смещаясь к тому самому элингу.

Вот только проникнуть он в него не мог – решетка была опущена. Но это тоже не проблема – в бассейне имелся сенсор, управляющий заборчиком. Он дублировал основной командный контур, а заодно упрощал жизнь служащим, тому же Чезаре, которым при необходимости не было нужды вылезать из воды и шлепать по настилу к будке оператора. В ней, кстати, тоже какая-то суэта наблюдалась, но я решил не заморачиваться с ором и криками, а сделать все сам, то бишь, согласно известной мудрости, хорошо. К тому же я явно угадал с планом действий, поскольку Тинка, едва меня заметив, крикнула «Загон!», продублировав приказ вполне понятным жестом. Попутно еще и от Лу увернуться умудрилась, и даже воды не нахлебалась.

А я снова нырнул, избежав таким образом контакта с не уступавшей мне массой, но заметно превосходившей скоростью тушкой, проплыл, сколько смог, под водой, и вынырнул на расстоянии вытянутой руки от нужного места. Осталось лишь аккуратно подгрести поближе к стенке и коснуться сенсора, попутно сместившись максимально в сторону, чтобы, не дай бог, под черно-белую торпеду не подставиться.

Решетка опустилась быстро, но еще быстрее мимо промелькнул Лу – он не стал дожидаться полного открытия ворот и ворвался в загончик, едва не пропоров пузо точащими пластовыми штырями. Впрочем, ему ничего не грозило, скорее бы штыри погнулись, чем разошлась его прочная шкура. Зато потерявший разум и осторожность дельфин набрал такую скорость, что проскользил по помосту и смачно влип правым боком в дальнюю стенку эллинга. Против ожидания, интенсивно работать плавниками и изгибаться всем телом, чтобы сместиться поближе к воде, он не стал, а, такое ощущение, наоборот постарался вжаться в преграду, перестав даже дышать. Типа, спрятался?.. От чего, интересно? Или от кого?.. Он что, в панике? Кстати, это многое объясняло. Ну хотя бы даже то, что Лу, в нормальном состоянии отличавшийся умом и сообразительностью, прекрасно умел сам активировать сенсор. И временами, когда его нужно было принудительно загнать на профилактику, доставлял немало хлопот, касанием рыла закрывая решетку. Приходилось блокировать этот контур из операторской, равно как и второй, внутренний, располагавшийся в загончике. А тут вдруг память у дельфина отшибло. Или внезапно навык потерял, что странно.

– Молодец, Антонио, быстро соображаешь! – похвалила меня подплывшая вплотную Тинка. – Можешь, когда хочешь. А то постоянно тормоз тормозом.

Это на что она намекает изволит? На свои домогательства, которые я до поры до времени упорно игнорировал? А что, вполне... и в ее характере.

– Тормоз тоже механизм... – вознамерился было отбрехаться я, но, наткнувшись взглядом на Люченцо, сказал совсем не то, что собирался: – Тин, что это с ним? Это вообще нормально?

– Нет, – покачала головой Тинка. – Это точно не нормально... но я без понятия, что делать...

– Хм... успокой его, что ли...

– Попробую.

Ай да я, ай да молодец! Эвон как ловко перенаправил внимание одной язвы на другую! Впрочем, Лу сейчас на это высокое звание не тянул, поскольку больше напоминал пришибленного ужасом новооиймяконского зайца, загнанного в ловушку – крупная дрожь по всему телу, нервно дергающийся хвост и расширенные в панике глаза. Разве что ушей у дельфина не было, а если бы были, то он бы их сейчас к спине прижал в характернейшем жесте. Зайцы так делали, чтобы слиться с окружением и раствориться на фоне снега и кустов, а дрожали, чтобы не замерзнуть. А вот где средиземноморская белобочка такого набралась... хм...

– Тин, а наверху что за суматоха?

– В лагуне тоже дельфины, – оторвалась на мгновение от подопечного та. Под нежными касаниями девушки Лу немного ожил, но выпростаться из угла так и не пожелал, по-прежнему вжимаясь всем телом в монолит стены. – Стадо особей на пятнадцать-двадцать, зашли

из открытого моря. Такое ощущение, что их там что-то напугало. А потом Лу запаниковал, и я к нему прыгнула.

– А те что?

– Без понятия, иди, вон, у ребят поинтересуйся.

Ага, вот что за кипишь в операторской будке. Ладно, я не гордый, пойду, выясню. А потом что-нибудь стребую с одной взбалмошной особы в обмен на важную информацию. Чмок в щеку, например, а то и что-нибудь посерьезнее...

От приятных размышлений отвлек гулкий удар в ворота – те самые, что отделяли вольер Люченге от лагуны. Причем, что характерно, удар донесся снаружи, то бишь наш подопечный его причиной быть не мог никак. И не успел я об этом подумать, как на пластиковую переборку обрушился новый удар, как бы не тяжелее предыдущего. Да что за нафиг?!

Судя по испуганно-возмущенным воплям со стороны операторской будки, там изменение обстановки тоже не осталось незамеченным. Но разобрать что-то конкретное не получалось, так что пришлось проплыть к сходням и подняться на настил, тянущийся вдоль периметра, в том числе и над содрогающейся от ударов переборкой. Аккурат с того места должно быть отлично видно, что там, снаружи, творится. Второй возможный вариант – добраться до коллег в будке: у них на мониторы выводятся картинки с камер наружного наблюдения, в том числе и подводных, чисто технических. Правда, качество изображения не ахти, так что лучше уж я сам, своими собственными глазами...

До намеченного наблюдательного пункта домчался быстро, хотя мокрые джинсы липли к ляжкам и порядочно мешали. Благо, что бежать пришлось по пластиковому «софт-тач» покрытию, а то бы еще и ступни повредил – не приспособлены они к такому, на суровой родине ходить босиком необходимости вообще не было. Даже, скорее, себе во вред – отморозить ноги по самую шею легче легкого. А тут ничего, даже приятно. Приятнее, чем по песку, он тут все-таки крупноватый, да и камешков в нем порядочно. Н-да. Сам себе периодически поражаюсь – о какой только ерунде не думаю, особенно в ответственные моменты. Или при стрессовой нагрузке. А сейчас именно такая, в чем я и убедился незамедлительно, едва перевесившись через хлипковатый поручень.

Картинка открылась... впечатляющая, да. А как еще охарактеризовать не менее хаотично, чем Лу пару минут назад, мечущихся вблизи ворот вольера диких дельфинов числом более десятка? Точно сказать было невозможно, слишком они мельтешили. И ладно бы только мельтешили... так они еще и на переборку бросались, что твои берсеркеры – иступленно, не жалея собственных носов и боков. Среди пришельцев нашлось несколько особей покрупнее нашего питомца, так что пластиковая плита содрогалась с каждым мгновением все сильнее и сильнее. А еще прямо на моих глазах дельфины сменили тактику – перестали наскакивать поодиночке, вписавшись в воротину группой из трех крупных самцов. Тут уж и мне не до смеха стало – едва не сверзился в воду, в самую гущу дельфиньего стада. Черт! Если бы навернулся, несладко бы мне пришлось...

И тут наконец до меня дошла вся абсурдность ситуации. Я просто спросил себя, а что, собственно, происходит? С какого такого перепуга дельфины стенку таранят? С перепуга?.. Хм...

– Чезаре, вылезай из воды!!!

Так и болтавшийся неподалеку от загончика служащий недоуменно на меня покосился, но я, убедившись, что привлек его внимание, максимально доходчиво жестами изобразил, что иначе хана, и тот пробкой вылетел из бассейна. Осталось теперь до остальных коллег достучаться, и, считай, дело в шляпе.

Орать пришлось через весь бассейн. Операторская будка сейчас находилась на максимальном от меня удалении, по диаметру, так что не удивительно, что эта моя попытка к успеху не привела. К тому же здорово мешал гул пластиковой переборки – дельфины не прекращали

атаку ни на секунду. Потом взгляд мой упал на браслет-инфор, который я поначалу проигнорировал, так как не знал, кто именно из коллег-балбесов сейчас суетится в операторской. Ну и пофиг, что не знал, да и по-прежнему не знаю – общий канал на что? Главное громкую связь включить, что не так уж и просто – не люблю голографические интерфейсы, пока еще в нужную точку попадешь. Да еще когда руки дрожат, поскольку и тело, к которому они крепятся, ежесекундно сотрясается от очередного дельфиньего тарана. Но все же включил.

– Народ, кто в будке! Але!

Черт, отзовется кто-нибудь, или так и будут хреню страдать?.. Да еще и радио врубili, самих почти не слышно, зато диктор что-то там бубнит...

– Антуан? Тебе чего?..

Ага, это Пьер – ничего так малый, не самый сообразительный, но слегка флегматичный и потому к панике не склонный. Хорошо что не Педро или Диего. Да и Джованни не самый лучший вариант.

– Пьер, открывай заслонку!

– Зачем это?

– Дельфинов впустим, зачем же еще?!

Я говорил, что он не самый сообразительный? Да, точно.

– Они же тут разнесут все.

Да твою же!.. Флегматик хренов, как не француз!

– Пьер, ты идиот?! Как они смогут что-то разнести?! А вот сами расшибутся запросто! Ты бы видел, что тут творится!.. Открывай давай!!!

– Но...

– Ты штраф экологам платить будешь?! Открывай, твою французскую маму!..

Проняло, что ли? По крайней мере, тупые вопросы задавать перестал. Но и заслонка как была на месте, так и осталась.

– А может...

– Да чтоб тебя!!!

Похоже, придется бежать в будку, стучать кое-кому в бубен, чтобы дошло, и открывать ворота в добровольно-принудительном порядке, как говаривал тренер дед Коля. И я уже было ломанулся в нужную сторону, когда на общем канале проявился дорогой профессор Спанидис.

– Антониос прав, коллеги. Рекомендую прислушаться.

Ф-фух, как камень с души! И не только у меня, похоже: стоило только створке чуть опуститься, как через нее принялись сигать дикие гости. Сначала в бассейне оказались самые крупные и сильные самцы, моментально обогнувшие его по периметру, и лишь потом, скорее всего, по сигналу предводителя, потянулись остальные. К этому времени пластиковая плита уже полностью освободила проход, так что проблем не возникло даже у самых мелких дельфинят. И, что характерно, в вольере визитеры заметно успокоились. Не то, чтобы совсем, но и паниковать перестали. Просто скопились у эллинга Люченге, загнав детенышей к нему на помост, а сами кружась поблизости.

Ну и что это было? Что, скажите на милость, могло их так испугать в открытом море? А что испугало, к гадалке не ходи. Причем настолько, что даже лагуна не показалась им достаточно надежным убежищем. А поскольку на берег они выброситься не могли, то принялись ломиться в бассейн, как в наиболее удаленное от потенциального источника опасности укрытие. И люди им помехой не показались. Что, в общем-то, неудивительно – на дельфинов тут никто не охотился, разве что изредка самые отмороженные браконьеры нападали. Так что не боялись они странных двуногих, предпочитающих сушу воде. А многие и вовсе были полуручными, или жили в стадах, предводителями которых являлись специально выдрессированные колонистами особи. Такие дельфиньи сообщества обычно использовались в качестве пасту-

хов и загонщиков, направляющих рыбные косяки в нужную людям сторону. Взаимовыгодное сотрудничество, короче. Что-то мне подсказывает, что и здесь как минимум один такой есть.

А еще я только сейчас осознал, что сиганул в воду в джинсах, со смартфоном в кармане. Он, конечно, пыле-влаго-защищенный, да и противоударный, зато запросто мог выскользнуть... нет на месте. Наплевав на все и вся, я расселся на настиле, прислонившись спиной к поручням, и принялся терроризировать гаджет. Тот оказался в порядке, вот только каким-то образом браузер врубился. Лениво скользнув взглядом по заголовкам новостных ссылок, потянулся было к кнопке «home», но что-то заставило передумать. А потом понял, что именно – самый верхний заголовок гласил: «Исчезновение известного ученого – несчастный случай или месть бывших соотечественников?». Хм... прямо мелодрама пополам со шпионским триллером... ну-ка, ноосферным журналам веры нет, посмотрим, что в эфире местных радиостанций... ага, «Патриа-Нуэво-26», самый официальный из официальных каналов. Список передач... новостной выпуск... воспроизвести, естественно... прокрутка... ага!

«Вчера вечером, после невиданного по силе шторма в районе Эль-Мар-Азурро, сопровождавшегося подземными толчками и серией волн-цунами, со сканеров орбитальной группировки Службы мониторинга моря исчез катамаран «Морская звезда», принадлежавший научно-исследовательской лаборатории Университета Патриа-Нуэво» – увлеченно вещал диктор. – «Сигнал бедствия подан не был, на связь судно до сих пор не вышло. Единственным членом команды экраноплана являлась Франсин Моро – профессор, доктор биологии, а также известная диссидентка, вынужденная эмигрировать с Новой Гренады. Помимо этого Франсин Моро была широко известна в научных кругах Терра-Нова исследованиями эндемичных видов и множеством открытий в этой сфере. Доктор Моро являлась обладательницей множества престижных научных премий как Новой Гренады, так и Патриа-Нуэво, и в свое время послужила причиной громкого дипломатического скандала, когда попросила политического убежища в Патриа-Нуэво, заявив о преследованиях и гонениях со стороны консервативно настроенного ученого сообщества Новой Гренады при поддержке госструктур. Служба мониторинга моря совместно с Морским патрулем организовала крупномасштабный поиск исчезнувшей ученой, но пока безрезультатно».

Прикольные, кстати, выходные выдались.

–//–

Система: Нуэво Сол

Объект: Колония Терра-Нова

Пункт дислокации: бывшая территория Корпорации STG, остров Ла Пинца, научно-исследовательская база Университета Патриа-Нуэво

12 октября 2168 года

– Тони, нашел что-нибудь?

Незаметно подошедшая Тинка приобняла меня и по-хозяйски положила голову на плечо. Мало того, еще и грудью прижалась, а я, хоть и спиной, прекрасно почувствовал, что сегодня она лифом от бикини пренебрегла. Оно и понятно – целый день в лаборатории проторчали, за компьютерами. Оделись соответственно обстановке, как и положено младшим научным сотрудникам – в белые халаты. Что у Тинки под ним было, без понятия, а свой я просто накинул поверх футболки. Хорошо хоть, штаны надевать не стал, ограничился шортами. Тут меня проф Спанидис ни за что и никогда не переубедит. Слишком уж климат жаркий, как по мне. Плюс шлепанцы на босу ногу, но это тут почти дресс-код.

– Абсолютно ничего, – вздохнул я, но отстраняться не стал. Пусть ее. Мне все равно... хм... ни фига не все равно. Мне, как и ей, приятно. – Глухо, как в танке.

– Что?

– Не обращай внимания, древняя русская поговорка.

– А что означает?

– Да, собственно, то и означает, что впустую день угробили...

И ведь совсем против истины не погрешил. Даже слегка приуменьшил, потому что впустую был угроблен и остаток воскресенья – вместо того, чтобы развлекаться с синьориной Монтанари на пляже (и далее по списку), я вместе с ней же проторчал в лабораторном комплексе, а если еще точнее, то в бассейне, внезапно ставшем очень тесным – незваные гости не пожелали очистить помещение, как мы им на то ни намекали. Правда, через пару часов дикие дельфины успокоились и перестали метаться по бассейну, да и на нас начали реагировать более адекватно. Так что мы с Тинкой могли невозбранно плавать среди визитеров, как лежа на досках для серфинга, так и безо всяких приспособлений. Даже покататься получилось на взрослых самцах, удерживаясь за верхние плавники. Как мы и предполагали, стадо оказалось не совсем диким, в предводителях у него ходил номер триста восьмидесятый – воспитанник одной из дельфиньих ферм с нашей Внешней гряды. Как и любой питомец колонистов, предводитель был помечен, и мы смогли снять информацию с его чипа, служившего заодно и маячком. Правда, на этом дело и застопорилось – связаться со Службой мониторинга моря в воскресенье сильно за полдень было нереально, а потому решили анализ информации (если вообще ее удастся заполнить) отложить на завтра, то есть на понедельник.

Остаток дня и часть вечера прошли в рутинных заботах – сначала осматривали гостей, по одному загоняя их на настил к Люченте, а потом еще всю эту ораву кормили, для чего пришлось ополовинить запасы холодильника. Впрочем, рыбы никому не было жалко, ее здесь как грязи на моем родном Новом Оймяконе. Не всегда, естественно, а только ранней осенью и поздней весной. Короче, было весело. И не только нам с Тинкой – активное участие в забаве приняли также Чезаре и доктор Синтия Росси, главный ветеринар лаборатории. Что характерно, никаких патологий, за исключением мелких царапин и проблем с зубами у нескольких особей, не обнаружили. По словам дока Синтии, все было в пределах нормы. Даже пульс и уровень гормонов в крови не превышал допустимых значений. То есть дельфины успокоились настолько, насколько это вообще было возможно. Да что говорить, их даже мысли о еде не тревожили, поскольку они к тому моменту уже благополучно набили брюха халявной рыбой. Вот только убраться хотя бы в лагуну ни за что не соглашались. Не то, чтобы прямо агрессию проявляли в ответ на наши попытки оттеснить их к воротам, а просто уворачивались и возвращались поближе к эллингу. С одним-двумя мы бы еще справились, но когда надо выпроводить сразу шестнадцать разновозрастных особей... хуже всего в этом отношении оказались дельфинята – шустрые и непоседливые без меры. В результате мы хором плюнули (фигурально выражаясь) и с молчаливого согласия профессора вылезли из бассейна. Я к тому времени уже успел переодеться в тропический гидрокостюм, а Тинка с самого начала щеголяла в бикини, так что мы подхватили доски для серфинга и отправились на пляж. Под ручку, как самая настоящая парочка. Прокатались до темноты, и я проводил синьорину Монтанари до дома, то бишь в ту часть жилой зоны научного городка, где предпочитали селиться не обремененные семьями дамочки. В общежитии жили только студентки-практикантки, а Тинка, как постоянная сотрудница, обитала в похожем на мое бунгало. Ее намек на вечерний кофе я предпочел пропустить мимо ушей и умотал к себе, оставив девушку весьма недовольной таким исходом.

А сегодня с утра, сразу после планерки и ритуальных звездюлей от профа Спанидиса, мы с коллегой Альбертиной засели за компьютеры. Она принялась шерстить местный сегмент Ноосферы в поисках похожих случаев, а я, воспользовавшись контактной информацией, предоставленной профессором (тот или с вечера подсутился, или, что более вероятно, уже не в первый раз к «смотрящим» обращался), связался со Службой мониторинга моря и запросил данные на триста восьмидесятую. Причем мелочиться не стал, заказав телеметрию за последнюю неделю включая вчерашний день. К моему удивлению, отказа не последовало, наоборот, мне показалось, что дежурный «смотрящий» (это, если кто не понял, неофициальная кликуха сотрудников Службы) даже этак иронично ухмыльнулся, переправляя мне ссылку на сетевое

хранилище. Присланный пароль сработал без проблем, а вот дальше... неспроста тот парень ухмылялся, эх, неспроста. Чего там только не было! От названий файлов сразу зарябило в глазах, и я поспешил их хоть как-то рассортировать. Начал с даты, потом раскидал по названиям, и получил более-менее внятную картину. Впрочем, легче не стало: за рабочий день пришлось последовательно изучить извилистый маршрут подопечного в мешанине островов Внешней гряды, затем расшифровку дельфиньих «переговоров», потом еще изменения электромагнитного и звукового фона... и все, чего мне удалось добиться – установить время, когда белобочек охватила паника, и приблизительное место, где это случилось. Причем стопроцентной уверенности не было, поскольку за точку отсчета я принял момент, когда резко оборвались дельфиньи пересвистывания. По трекеру же я установил, что в этот период стадо резко изменило направление движения и не менее резко ускорилося, несмотря на наличие детенышей. Правда, в столь взвинченном темпе они неслись считанные минуты, а потом слегка замедлились – все из-за тех же дельфинят. Случилось это примерно за час до их визита в нашу скромную обитель, так что инцидент (если он был) произошел достаточно далеко от Ла Пинца, в одном из относительно судоходных проливов вблизи Периметра[7]. И почему предводитель повел собратьев именно к нам, я так и не понял. Просто искал людей? А что, похоже. Мы как раз ближайший населенный пункт. А может, и среди дельфинов слухи расходятся – сам триста восьмидесятый до того у нас не гостил. Хотя и тут гарантии никакой – на запрос «смотрящий» ответить не смог, предложил лишь скинуть пароль от трекеров за предыдущий год – более ранние из архива просто-напросто удалялись. Я сдержанно поблагодарил ответственного сотрудника, отдарившись такой же ироничной улыбкой, как и он поутру, и решил на это дело забить. Буду исходить из предпосылки, что триста восьмидесятый знал, куда плывет. Откуда – не так уж и важно. А вообще поведение очень нетипичное: нечто пугает дельфинов настолько, что их предводитель не придумывает ничего лучше, как обратиться за защитой к более могущественным существам, которых помнит с детства. Одно могу сказать – виновники инцидента не люди. Иначе вряд ли тот же триста восьмидесятый рванул бы к нам. Наоборот, постарался подальше держаться от двуногих.

Вторая непонятка – почему Люценте тоже запаниковал. Вряд ли ему могли «рассказать», не настолько язык дельфинов богат и разнообразен. Такое ощущение, что он на «запах страха» среагировал. Какие-то феромоны? Тогда почему мы их не обнаружили во время медосмотра? Датчики не самые чувствительные? Возможно.

Приложив еще немного усилий, я сумел выцыганить у «смотрящих» спутниковую фотографию предполагаемого района инцидента, но и фото ясности не внесли – самые свежие были сделаны за полчаса до и через тринадцать минут после происшествия. Короче, ничего необычного я на фотках не высмотрел.

От отчаянья принялся изучать электромагнитный фон, но мало что понял в многоцветной диаграмме. Помнится, попадались мне факты из истории Старой Земли, там частенько в двадцатом веке китообразные на берег выбрасывались, и ученые высказали версию об изменении силовых линий магнитного поля, которые сбивали с толку встроенный дельфиний «навигатор». Может, и у нас нечто подобное имело место? Но ведь наши гости и не думали из воды выпрыгивать, наоборот, искали бухточку поукромнее... Все же кое-что на диаграмме меня заинтересовало – дополнительная бледно-желтая линия, оказавшаяся «следом» шепчущего кита. Кто такой? Да так, забавная зверушка. Чуть ли не единственный морской эндемик, если не считать той самой заплонившей моря и океаны водоросли. Что-то типа огромной медузы, только без щупалец. Зато такая же полупрозрачная, да к тому же еще способная изменять собственное агрегатное состояние... нет, тут загнул. Просто изменяет плотность тела, особенно когда пребывает в «спящем» режиме. Потому и боновые ограждения Периметра для шепчущих китов не препятствие. А шепчущие они по той простой причине, что постоянно излучают – как в звуковом, так и в электромагнитном диапазоне. Шепчущие киты для внутренней акватории явление не самое распространенное, но вблизи бонов, да и здесь, на Внешней гряде,

они встречались достаточно часто, чтобы те же дельфины к ним привыкли. Да и вообще... ну, что там за предыдущие дни происходило? Так и есть, пересекались с другими шепчущими китами (а может, и с этим же) минимум пять раз. И ни одной панической атаки, ни единой. Опять промах? Получается...

Что самое поганое, пойти на экраноплане в нужный квадрат и проверить никто не позволит – у нас план исследований, от которого мы и так уже отстаем. Разве что под шумок, да вот хотя бы завтра. Все равно к бонам плыть, а крюк не очень большой. Если на месте быстро справимся, на обратном пути никто нам не запретит одним глазком глянуть. А если честно, то проф Спанидис нас не поймет, если мы хотя бы не попытаемся использовать шанс. Но это все завтра, сегодня уже хорош, глаза слипаются. Сейчас бы на пляж, искупаться да на песке поваляться. И хорошо бы не одному, а с некоей особой, неоднократно недвусмысленные намеки делавшей...

– А может, чтоб уж совсем день не терять, пойдем ко мне? – промурлыкала она особа мне в ухо, да так томно, что я поневоле отвлекся от невеселых мыслей. – Пора бы уже.

– Кхм...

– А что? – притворно возмутилась синьорина Монтанари. – Свидание было? Было. Под ручку гуляли? Гуляли. Вчера, если кто-то забыл. На дискотеке из-за меня дрался? Дрался. Так что трофей законный. Чего тебе еще надо?!

И ведь даже не возразишь. Со всех сторон права. Вот только не настроен я на серьезные отношения. А несерьезные с такой девчонкой как-то совестно заводить. Попробовать на базаре съехать, как выражается папенька?

– А вы, коллега, что за сегодняшний день нарыли?

– Фу, как грубо! – фыркнула Тинка, но все же ответила: – Как и вы, коллега, совершенно ничего.

– Совсем-совсем ничего похожего не было?

– Может, и было, но в Сети ни одного упоминания не осталось. Только и разговоров, что про Франсин Моро. Мало ей было славы, когда она с Новой Гренады к нам сбежала!

– Ты завидуешь, что ли?

– Чему?! – искренне возмутилась девушка. – Тому, что она в море сгинула?!

– Ну, может и не сгинула... вон сколько ее народу ищет. Найдут еще. Наверное.

– Вряд ли, – сникла Тинка. – Если сигнала нет и в первые же сутки не нашли, то шансов почти нет.

– А ты ее жалеешь, что ли?

– Конечно! А ты нет?

Я пожал плечами – жалею, естественно, но все как-то больше абстрактно. Я ведь ее не знал лично. Ну, ученый. Ну, диссидент. Ну, пропала...

– Да она же знаменитость! А еще никто лучше нее не разбирается в эндемиках и истории Фрро! Я, как только узнала, что она к нам перебралась, обрадовалась даже – можно попытаться у нее проконсультироваться. Пока она у французов обитала, до нее не дотянуться было... – Тинка вдруг прервалась и подозрительно на меня покосилась: – И вообще... ты чего от темы уходишь?

– Кто, я?! И в мыслях не было... хм...

– Эй, не грузись! – правильно поняла мою заминку Тинка. – Если ты думаешь, что я претендую на гордое звание жены Анте Свенссона, так ты это брось. Никаких серьезных намерений, я слишком молода для такой ответственности.

– Какой еще ответственности?

Я покосился на нее через плечо, но она вовремя отпрянула, и разглядеть выражение лица не получилось. Ну-ну. Чего же тогда шифруешься? С другой стороны, раз девушка просит...

– Эй, я что, по-твоему, не имею права приятно провести время с понравившимся мне парнем? – снова перешла Тинка в атаку, проигнорировав мой вопрос. – Вот что за идиотизм, сразу бедную девушку во всяком подозревать?!

– Ты уверена?

– Уверена! Раз уж ты такой тормоз, говорю открыто: ты мне нравишься, Анте Свенссон. И я не прочь завести с тобой интрижку.

– Нет, я насчет «приятно».

– А... хотелось бы надеяться.

Ну вот и все. Попал ты, Антоха. И совесть у тебя чиста – ты сделал все, что мог. А Мог, как говаривал тренер дед Коля, был сильный парень. А, пошло оно все!..

Глава 2

Система: Нуэво Сол

Объект: Колония Терра-Нова

Пункт дислокации: акватория Эль-Мар-Азурро

13 октября 2168 года

Бон впечатлял. Не везде, конечно, но конкретно здесь, в проливе Скальди, названном так по имени инженера, приложившего руку к созданию Периметра, посмотреть было на что. Само по себе боновое ограждение не являлось чем-то архисложным: просто метрового диаметра «колбаса» из пористого биопластика, к которой снизу прицеплена сетка из тончайших карбоновых нитей с чугунными чушками-грузилами. Когда-то она была красно-серой, а сейчас, из-за покрывшего ее налета фитопланктона, превратилась в зелено-оранжево-сероватую и практически терялась на фоне грандиозного буро-зеленого поля, раскинувшегося по внешнюю сторону Периметра на десятки километров. В открытом море концентрация планктона не была такой чудовищной, а здесь его скопилось столько, что, несмотря на постоянную работу течений, относивших часть водорослей прочь от защищенной акватории, труба-поплавок сильно изогнулась и была натянута, как тетива лука. Еще чуть-чуть, и лопнет, не выдержав давления. Жутковатое ощущение, если честно. Стоит только поплавок порваться, и наш экраноплан – нехилую такую «птичку» тридцати метров длиной и с размахом крыла в полсотни – снесет как пылинку. Это в лучшем случае. А в худшем просто раздербанит в куски, предварительно сплющив все, что только возможно. И еще запах – едва ощутимый, но резко бьющий по обонянию. Метан. Собственно, моя научная тема. Предтечи-Фрро каким-то хитрым образом умудрились перерабатывать эту самую водоросль в углеводороды прямо в океане, а нынешние хозяева планеты были вынуждены для того же самого вылавливать фитопланктон специальными судами-сборщиками и тащить на стационарные заводы, где он в огромных чанах под воздействием какого-то специфического излучения превращался в нефть. Ну, или что-то, отдаленно ее напоминающее. Что за излучение никто до сих пор так и не узнал, хотя над проблемой работало уже не одно поколение ученых. Внутри реактора забираться дураков не нашлось, а ломать исправное оборудование фанатикам от науки скучные прагматики-производственники не позволили. Вот и пребывали до сих пор в блаженном неведении. Зато Университет Патриа-Нуэво объявил грант на разработку перспективной темы «Получение углеводородов из органического сырья», которой заинтересовался мой научный руководитель из универа Нового Оймякона. Вот так, собственно, я и оказался на Терра-Нова. Вообще тема благодатная, я уже видел как минимум несколько вариантов. Самый простой – закладывать собранные водоросли в компостные кучи и улавливать выделяющийся при гниении метан. У меня даже была миниатюрная лабораторная установка, дававшая неплохой выхлоп с достаточно высоким коэффициентом полезного действия. Но это наши с руководителем давнишние наработки, мы ими поделились с коллегами с Терра-Нова еще до моего приезда. И получили неожиданную прибыль – местные внедрились способ в хранилищах фитопланктона, куда его помещали перед тем, как вывезти на поля. У них уже давно назрела проблема повышения безопасности хранения сырья – то хоть и недолго лежало мертвым грузом, но и этого времени хватало, чтобы атмосфера в емкостях загазовывалась. Системы вентиляции не справлялись, а порой делали только хуже – метан скапливался у земли, не очень-то торопясь подниматься в верхние слои атмосферы и рассеиваться. И достаточно было малейшей искры, чтобы рвануло. Ну а после нашего вмешательства газ пустили в дело, а мы получили денежку, достаточную, чтобы оплатить услуги Курьера по доставке меня, любимого, на место прохождения очередной практики. Поближе, так сказать, к театру военных действий.

Впрочем, то, что работало в ограниченных объемах и в закрытых помещениях, не получалось использовать в глобальных масштабах. А хотелось прямо здесь, на месте, заставлять водоросли перегнивать и выделять метан. И данный процесс, что характерно, особой проблемы не представлял – всего и надо, что умертвить планктон. Да хотя бы через тот же бон ток пустить, технически это реализовать не сложно – протянул один оголенный проводник вдоль поплавка, а второй вдоль троса с грузилами, и готова примитивная установка для электролиза. Тем более что задача разложить воду на кислород и водород не стоит, достаточно водоросли грохнуть. Да и киловатты для человечества уже давно не проблема. Или организовать подогрев с помощью микроволн – процесс известен еще с середины двадцатого века. Весь вопрос, как потом газ уловить. Это вам не пещера, пусть и огромная, и даже не открытый резервуар площадью с десяток хоккейных [8] площадок. Поэтому газ не вариант. В идеале бы воспроизвести технологический процесс завода Фрро, чтобы водоросли сразу перерабатывались в жидкие углеводороды. Те, как известно, легче воды, и сами бы скапливались на ее поверхности. А уж собирать разлившуюся нефть люди с того же двадцатого века умеют, тем более что от нее хуже все равно не станет – животного мира как такового вне Периметра просто нет. Корень проблемы крылся во внешнем воздействии на органику. Можно было, как всегда, подсмотреть у природы, чем я и занимался, уже года три углубленно изучая процесс образования нефти в недрах планет, но пока даже приблизительного ответа не получил. Не с нашими возможностями, и, самое главное, не быстро. Но ведь Фрро как-то же это делали! И осознание этого факта откровенно бесило. Даже меня, что уж говорить про Тинку. Та занималась другой проблемой, хоть и смежной – пыталась выяснить, как так получилось, что шепчущие киты смогли приспособиться к завезенному с Земли планктону. Я особо не вникал, но знаю, что тут заковыка с совместимостью – на клеточном уровне и по набору белков эндемичные виды (собственно, киты да водоросли) отличались от всех привнесенных извне. То есть тот же земной зоо- и фитопланктон не был для местных токсичным, но и не должен был усваиваться ввиду специфики пищеварения. Равно как и наоборот. Проблема решалась искусственным введением определенных ферментов плюс генная модификация, позволяющая уже во втором-третьем поколении получить нужную особенность организма – так, собственно, поселенцы и поступили с завезенными видами, по крайней мере с теми, что должны были «пасть» на здешнем планктоне. Но самое удивительное заключалось в том, что китам эти ферменты никто не предоставлял, тем не менее, они питались всем подряд, причем с одинаковым удовольствием. Я сразу же заявил, что они умудрились выработать нужные вещества, когда столкнулись с новыми видами, на что Тинка резонно возразила, что местные ученые и сами уже давно в курсе. Вопрос в другом: за счет каких-таких механизмов тем же китам удалось синтезировать нужные ферменты? Простым эволюционным развитием это не объяснишь, времени для него слишком мало. Вмешательству на генном уровне они не подвергались. Разве что мутации... вот с этим она и пытается разобратся. Вернее, делает вид, как и многие поколения молодых ученых до нее. А я делаю вид, что пытаюсь воспроизвести ускоренный на несколько порядков процесс естественного образования нефти, хотя сам на сто процентов уверен, что этот путь тупиковый. А куда деваться? Есть план исследований, есть график работ, утвержденный как моим руководителем с Нового Оймякона, так и профом Спанидисом. Под это дело выделено финансирование. Так что работай, Антоха, и не ной. И даже не пытайся ввязаться в какую-нибудь авантюру. А ведь очень хочется! Те же шепчущие киты та еще загадка. А развалины Фрро? Во внутренней акватории их мало, там вообще странная картина – рельеф дна такой, что сам черт ногу сломит, а вот за Периметром этого добра богато. Вот только кто бы меня пустил. Определенно, как только разберусь с кандидатской, снова попрошусь на Терра-Нова. Даже если придется для этого привлекать семейные финансы. Но это еще не скоро, года полтора как минимум. Но я терпеливый, этому меня еще в детстве тренер дед Коля на пару с папенькой обучили. На свою голову, что характерно.

– Тони, ты закончил?

Синьорина Монтанари. Легка на помине, кто бы сомневался.

– Угу. Ты как?

– Все уже. Буйки запустила, данные сняла, – отрапортовала девушка. – Теперь еще на два дня работы, пока со всем разберусь.

– И много тут китов было?

– Как обычно, – отмахнулась Тинка. – С десяток. С той стороны бона паслись. И с этой еще трое.

– Плохо паслись, видать, – глубокомысленно заметил я. – Край через неделю сборщик сюда посылать надо.

– Да вижу.

– Как Лу? – поинтересовался я.

Не то, чтобы меня сильно занимало, как дельфин шнырял по округе, выискивая оставшиеся с прошлых посещений буйки и считывая с них данные, но вдруг что-то... хм... нехарактерное имело место?

– Все как обычно, никаких признаков паники, – прекрасно поняла меня Тинка. – Даже расхулиганился, в люльку не пожелал лезть.

– Не переживай, он дисциплинированный. Отстать не захочет. Поехали, что ли?..

Собственно, официальная часть программы была успешно выполнена, так что можно было возвращаться домой. Что мы и собирались в ближайшее время осуществить. С рутиной справились даже быстрее обычного – местное светило, то бишь Нуэво Сол, пребывало еще высоко над горизонтом, даже с учетом его близости, так что время чуть за полдень. Запас есть. И, как мы и условились перед выходом с профом, этот запас мы вольны использовать по собственному усмотрению. То бишь на обратном пути сделать небольшой крюк и хотя бы мельком обследовать тот самый квадрат, в котором позавчера кто-то напугал диких дельфинов. По большому счету, это не наше дело, но ведь должно же у нас быть что-то для души? Вот и Тинка так думает. Плюс еще в нашу пользу сработал тот факт, что Служба мониторинга моря сегодня с утра официально объявила о завершении крупномасштабной операции по поиску доктора Моро, то бишь количество задействованной казенной техники снизилось раз этак в пять. Естественно, совсем искать не прекратили, но слишком уж расточительно было столько ресурсов впустую тратить. А взамен Служба обратилась с призывом сохранять бдительность и помнить о пропавшей ко всем, кто сейчас находился в акватории Эль-Мар-Азурро, то бишь и к нам в том числе. Так что крюк можно было даже под официальную помощь спасателям подвести.

– Чезаре! Разворачивай калошу и на среднем ходу дуй в квадрат семнадцать-ноль три, – распорядился я, врубив браслет-интерком на общей волне. Все равно сейчас меня никто, кроме синьорины Монтанари да рекомого коллеги не слышит, радиус действия у прибора не настолько велик. – Это здесь же, в проливе, только чуть к западу.

– Понял.

– И как прибудем, надо будет скан рельефа дна снять.

– Угу.

Ну вот и ладненько. Средний ход у экраноплана это примерно двести-двести двадцать километров в час, с учетом маневрирования, никакому дельфину, даже перекачанному стероидами, такую скорость не удержать, поэтому мы вынуждены перевозить питомца в специальной каверне в корпусе судна, до половины заполненной забортной водой. Люченте товарищ дисциплинированный, как я уже говорил, так что ультразвуковой сигнал он игнорировать не стал, моментально нырнул в люльку, как ее называла Тинка. А Чезаре, едва дождавшись размещения всех пассажиров – мы с Альбертиной спустились в салон и развалились в креслах, не сговариваясь забив на пристяжные ремни – дал давление подпора и врубил тягу. Подняв-

шийся на пару метров над поверхностью воды экраноплан резко рванул с места и за какие-то полминуты развил крейсерскую скорость. Впрочем, в салоне она не чувствовалась – судно шло мощно и ровно, без раскачки, а звукоизоляция практически идеальная, так что ни рева движков, ни свиста обтекающего плоскость воздуха внутри не слышно. Такое ощущение, что на месте стоим, что на самом деле далеко не так.

– Четырнадцать минут, Тони! – обернулся к нам из пилотского кресла Чезаре. – Какие будут указания?

– Сбрасываем скорость до минимума, выпускаем Лу и крутимся в квадрате полчаса – час, – зевнул я. – Если ничего интересного не находим, возвращаемся в базу.

– Принял, – кивнул пилот. – А что ищем-то?

– Да без понятия-а-а-а!.. – снова чуть не порвал рот в зевке я. – Что-то разморило... короче, это тот квадрат, где что-то испугало позавчерашних дельфинов.

– А-а-а... понятно. Только там ничего нет, это почти середина пролива, суши вообще не видать.

– Не проверим, не узнаем, – резонно возразила Тинка. – И вообще, Чезаре, тебе не все ли равно?

– Ладно, ладно, убила!.. – сдался тот. – Как скажете, господа. Вы здесь главные, я всего лишь вспомогательный персонал. Помыкайте мною.

– Я сейчас в тебя банкой газировки запущу, – лениво пригрозил я, прикрыв глаза.

Что-то и правда в сон потянуло. Слишком рано проснулся, по пути толком не доспал – меньше часа добирались до бона – а потом суeta пошла. А сейчас разморило. Пятнадцать минут, да мои...

– ... Тони, подъем!..

– А?.. Что?..

– Ты вырубиться умудрился, что ли?! – округлила глаза Тинка.

– Мы на месте?

– Прибыли, перешел в режим патрулирования, – пробился к сознанию голос Чезаре. – Лу выпускать?

– Ага-а-а!.. – Я сладко потянулся и выпростался из кресла. – Тинка, наверх пойдем?

– Пошли, – не стала возражать та.

Патрулирование на малой скорости это вам не полет на двухста двадцати км/ч. Экраноплан от воды не отрывается, перемещается при помощи водометных движителей, так что на верхней палубе сейчас хорошо – приятный ветерок обдувает, корпус чуть покачивается – короче, полное ощущение морской прогулки на парусной яхте. И такое не сложно организовать, складная мачта с парусом-пленкой в наличии, но мы здесь не ради собственного удовольствия. Так что не время на волю ветра и волн отдаваться. К тому же с палубы неплохой обзор открывается, можно просто по сторонам смотреть. Приборы приборами, но человеческий глаз в чем-то надежнее. Не всегда рационально на аппаратуру полагаться, порой и собственным чувствам довериться не лишне. Этому меня тоже долго и упорно в детстве учили. И в действенности метода я уже неоднократно убеждался.

Минут сорок из обещанного Чезаре часа ничего необычного не происходило: экраноплан неспешно рассекал легкие волны, выписывая сложную кривую без видимой системы, а вокруг судна так же бестолково нарезал круги Люченге, оснащенный регистрирующим комплексом, закрепленным на голове и верхнем плавнике. Нам с Тинкой уже порядочно надоело до рези в глазах всматриваться в мельтешащую зеленоватую рябь, к тому же и Сол нещадно припекал – в гидрокостюмах, пусть и тропических, было жарковато. А еще мы не позаботились о головных уборах. Тинка то и дело прикладывалась к бутылки с газировкой, а я старался сдерживаться, больше косясь на не менее соблазнительные, чем прохладный напиток, девичьи округлости, туго обтянутые мембранной тканью. И, должен признать, пока что получалось. Не

то, что вчера вечером, хотя до главного так и не дошло, пусть и не по моей вине. Уж не знаю, что у Тинки в голове переклинило, но она предпочла почти час целоваться под дверью в собственное бунгало. В романтической, черт побери, обстановке: под лунным... тьфу, под светом Суэна, изредка скрывавшегося за мелкими тучками, да ласковыми касаниями легкого ветерка. Как нас никто не пропалил, ума не приложу. Местным-то кумушкам только повод дай. В конце концов Альбертина оторвалась от меня и юркнула в прихожую, захлопнув дверь у меня перед носом. Пришлось тащиться к себе несолоно хлебавши. Вот только заснуть потом еще долго не мог, потому и не выспался. А этой заразе хоть бы хны!

– Тони, смотри!

– Что?

– Лу что-то беспокоился...

– Слушай, он что-то нашел... черт!..

Едва сдержался, заменив крепкое словечко чертыханьем. И ведь было с чего: Люченге, до того момента озадаченно круживший около какой-то плоской хреновины, вдруг с диким верещанием выпрыгнул из воды, извернулся в воздухе и рванул к экраноплану, не разбирая дороги.

– Он нас сейчас протаранит!

– Он же разобьется!!!

Ну да, кто о чем, а Тинка о бедном животном. Впрочем, обошлось: набравший дикую скорость питомец повторил трюк с прыжком, удачно избежав встречи с лобовым стеклом пилотской кабины. А вот перелететь крыло у него не получилось – плюхнувшись всем телом на серый пластик, дельфин проскользил по плоскости до хвостовой части экраноплана, по пути пару раз перевернувшись (сказалось покрытие «софт-тач»), и ухнул в воду аккурат между спаренными вертикальными стабилизаторами, похожими на хвосты древнего самолета. Под реактивную струю на свое счастье не попал, но зато угодил под струю из водомета, что нашему толстокожему зверюге оказалось, как мамонту дробина. Даже не пискнув, Лу поднырнул под корпус и с разгону влетел в люльку, вписавшись носом в стенку. Это я понял по донесшемуся характерному стуку.

– Чезаре, контейнер запирай!

– Понял!

– И давай помалу в ту сторону! – показал я, не мудрствуя лукаво, рукой. – Там что-то есть.

– Судя по сканеру, кусок пластика, – внес ясность пилот.

– Уже кое-что.

Тинка в этом сверхсодержательном диалоге не участвовала – перегнувшись над поручнем, она всматривалась в мельтешащую рябь прямо по курсу.

– Что там? – легонько толкнул я ее в бок.

– Не видно пока, отстань! – отмахнулась та. – И вообще, сам смотри!

А посмотреть, как оказалось, было на что: уже через пару минут экраноплан приблизился к загадочному объекту настолько, что стало понятно – перед нами кусок плоскости от другого экраноплана, несколько иной компоновки, нежели наш, но легко узнаваемый. У нас на базе таких тоже было несколько – они поменьше и выполнены по катамаранной схеме. Очень уж горб характерный, в котором мачта-телескопичка прячется. А ведь как раз на таком пропавшая докторша ходить изволила... не, бред. Или просто совпадение... кстати, лючок, под которым спасательный надувной плотик обычно хранится, вскрыт. И ниша под ним пустая.

– Н-да... и эта фиговина заставила Лу паниковать?

– Сам в шоке.

Со швартовкой Чезаре мудрить не стал, просто закинул на найденный обломок пару стандартных шканцев с «цеплялками» – чем-то вроде растопыренных пластиковых пятерней с множеством мелких крючьев на подушечках «пальцев». Принцип действия почти такой же, как на

липучке-«вэлкро», только заточенный под пластик «софт-тач». А чему вы удивляетесь, здесь же все из него, вот и подстроились колонисты. А потом осталось только вытравить слабину, закинуть еще одну «цеплялку» – на противоположный край обломка – и готово: находка плотно прижата к правой опоре экраноплана. Тридцать секунд времени. Правда, теперь ее еще на палубу затащить надо, а тут без кран-балки не обойтись. Чезаре от такой новости, естественно, в восторг не пришел, но и спорить особо не стал – надо, значит надо. Короче, провозились еще с четверть часа, и только потом легли на обратный курс.

Правда, далеко не уплыли – уже через пару минут после разгона до крейсерской скорости Тинка вдруг встрепенулась:

– Тони, смотри, Лу опять заволновался!

Ага, или ты за него. И нечего тут виновато на меня коситься – спалилась так спалилась. Иначе нафига было выводить на монитор картинку с камеры из люльки? Как же, там Люченге один, без тепла и ласки...

Дельфин и впрямь вел себя странно: дергался всем телом и пронзительно пищал. Но все это мало походило на панику, охватившую его после обнаружения куска экраноплана.

– Чего это с ним?

– Фиг знает... Чезаре?..

– А? – отозвался пилот из рубки на общей волне.

– Глянь на Лу. Ничего не напоминает?

Ответа не последовало, но экраноплан начал плавно замедляться, пока не перешел в режим яхты, опустившись опорами в воду.

– Чезаре?

– Тони, это стандартная реакция на утопающего.

Что ж, Чезаре в таких вопросах можно доверять.

– Будем искать?

– Естественно. Полезайте-ка на верхнюю палубу, да смотрите в оба. А я постараюсь сузить область поиска.

Я хотел было уточнить, как именно он намеревается это сделать, но снова наткнулся взглядом на монитор с дельфином, и все понял. По реакции Лу, как же еще? Собственно, в научном отсеке делать больше было нечего, и мы с Тинкой последовали совету техника.

На поиски ушел почти час, но в конце концов мы были вознаграждены – в пределах видимости появилось оранжевое пятно, которое при рассмотрении через лабораторные регистрирующие комплексы в виде очков с зумом оказалось... стандартным надувным плотиком из комплекта спасательных средств морского транспорта. На нашем экраноплане их тоже с десяток, причем в разных местах, чтобы в случае надобности далеко не бежать. Но куда больше плотика нас поразила женская фигура, распластанная на нем. Судя по отсутствию реакции на приближающееся судно, дамочка пребывала в отключке...

Об этом я подумал уже в полете – сиганул рыбкой прямо с палубы и рванул к спассредству, стараясь не суетиться и грести размеренно, в одном темпе. Ничего уже с ней не случится. По крайней мере, не за те считанные секунды, что потребуются мне, чтобы до нее добраться. Выбрался я на плотик без труда, хоть борта и прогибались, и едва не ляпнулся, скользнув по слою соли. Восстановив равновесие, шагнул поближе к находке и принялся шарить взглядом по бесчувственной жертве кораблекрушения – в последнем сомнений уже не осталось.

Что характерно, я оказался прав: ни на мое приближение, ни на движение экраноплана пассажирка утлого плавсредства не среагировала. Да и лежала лицом вниз, распластавшись по плоскому дну и прикрыв затылок ладонями. Хм... сомнительное средство защиты от теплового удара. Но никакого другого у нее не было – стройная (если не сказать костлявая) и, судя по виднеющимся из-под ладоней волнистым прядям, блондинистая дамочка была облачена в

зеленое бикини-одно-название. Все вокруг, включая плотик и кожу женщины, было покрыто белым налетом, значит, долго уже их так по воле волн носило.

Беглый осмотр пассажирки никаких повреждений, по крайней мере, с тыла, не выявил. Скорее всего, тепловой удар с последующим обезвоживанием. Ну, это знакомо. Главное, чтобы обезвоживание не перешло в стадию тяжелого, а то намучаемся... а что оно есть, к гадалке не ходи: при легком щипке тыльной стороны ладони женщины складка кожи разглаживаться совсем не спешила. И температура повышена, плюс покраснение кожных покровов. Но это она и обгореть могла. Как минимум средняя стадия. Ч-черт!

Сняв руки пострадавшей с затылка и вытянув их вдоль тела, я аккуратно, стараясь избегать резких рывков и толчков, перевернул оказавшуюся не такой уж и легкой женщину на спину. С фронта она тоже была очень даже ничего: приятное лицо с правильными и соразмерными чертами, характерными для европеоида, которое не портили ни выпуклые брови вразлет, ни лезущие в глаза слипшиеся пряди, ни остатки рвотных масс на губах. Лет тридцать на вид, может, чуть больше. Именно так, за исключением отдельных нюансов типа рвоты, на фотографиях в Ноосфере выглядела пропавшая доктор Франсин Моро. Офигеть! И почему я не удивлен?.. Хотя удивлен, иначе не пялился бы столь откровенно на находку. Грудь-то ведь тоже оч-чень даже, как и ноги. А еще плоский животик, но это для абсолютного большинства местных девиц характерно. Дамочка однозначно в обморочном состоянии. По-любому солнечный удар, усугубленный обезвоживанием. Но это ничего, справимся. Главное, пульс прощупывается...

Наш утлый плотик с глухим шорохом столкнулся с чем-то массивным (корпусом экраноплана, с чем же еще?), а потом меня окликнул Чезаре:

– Антонио, помощь нужна?

– Сам-то как думаешь? – обернулся я на голос. – Постарайся нас как-нибудь закрепить, чтобы не отнесло. Она без сознания, но перетаскивать надо осторожно, без тряски. Короче, простыню тащи из каюты.

– Сейчас сделаю.

– Где Тинка?

– Лу успокаивает.

Это хорошо, что она при деле. Еще только охов и ахов не хватало. А так спокойно и без суеты транспортируем пострадавшую на борт и займемся оказанием первой помощи. Вот уж не думал, не гадал, что пригодятся такие знания... спасибо, Мак. Спасибо, папенька. Пошел к черту, тренер дед Коля.

Плот закрепили быстро, все теми же «липучками». А вот потом еще почти четверть часа убили, пока предельно осторожно не погрузили находку на расправленную простыню и столь же бережно не переместили ее на собственную палубу. Но и этим я не удовлетворился, заставив Чезаре помочь мне перетащить женщину в одну из кают. Знаю, что полный покой для пострадавшей в типовой инструкции идет первым номером, но... остальное важнее. Вот и корячились на пару с коллегой. Ладно хоть Тинка под ногами не путалась. Впрочем, она появилась, едва мы только уложили найденную дамочку на полу в крохотной каютке, пристроив ей под щиколотки скомканную подушку. Пострадавшую она, несомненно, опознала, равно как и Чезаре.

– Что с ней?

– Нормально с ней, – отбрехался я. – Как Люченге?

– Успокоился. Давай помогу.

– Помоги, – не стал я спорить. – Иди на камбуз и смешай со стаканом апельсинового сока чайную ложку сахара и чуть меньше соли. Поняла?

– Поняла. Только именно апельсинового нет.

– Пофиг, возьми любой цитрусовый, хоть мультифрукт.

– Ладно.

– И просто воды неси, можно минералку... и трубочку!

– Si, signore!

– Чезаре, компресс готов?

Коллега сунул мне в ладонь мокрое полотенце, и я пристроил его на лоб находке. Вроде все... хотя нет, надо кондиционер врубить. Вот так, нормально.

– Думаешь, довезем? – подал голос Чезаре.

– Уверен, – бодро кивнул я. – Тепловой удар плюс средняя стадия обезвоживания. Ничего особо опасного для жизни. Повезло ей, короче. Еще бы денек так поболталась в море, и конец. Если сейчас очнется, то вообще прекрасно. А нет, так все равно не страшно, в лазарете в норму приведут. Оп-па!..

Едва слышимый стон отвлек меня от разглагольствований, и я, покосившись на пострадавшую, наткнулся на ее мутный, ничего не выражающий взгляд. Есть! Теперь и я сам себе верю.

– Доктор Моро? Как себя чувствуете? Пить хотите?

Как я и ожидал, женщина оставила все эти вопросы без ответа, лишь судорожно слотнула, облизав потрескавшиеся губы. Глаза открыла, а в себя не пришла. Полуобморочное состояние, короче. Что ж, бывает...

– Тинка! Вода где?!

– Вот, держи! – подоспела та.

Ага, трубочку не выплюнула, уже хорошо. И даже пить пытается, на чистых рефлексх... глоток, другой... хватит пока.

– Вы меня понимаете?

Черт. Снова вырубилась.

– Что с ней? Она?..

– Типун тебе на язык, язва!

– Чего?! Тони, что с ней?!

– Не вопи, нормально все. Просто снова сознание потеряла. Значит так, коллега Альбертина! Остаешься здесь. Следишь за состоянием больной. Периодически смачиваешь ей губы водой, меняешь компресс на лбу. И кондер вруби посильнее...

– Я же замерзну!

– В одеяло завернись! – остался я непреклонен. – Как будет приходить в себя, давай пить. Только понемногу, через трубочку. Думаю, у нее теперь часто просветления будут. Из глубокого обморока вышла, и это главное. Да, еще забыл...

Проигнорировав вытянувшееся от удивления Тинкино лицо, я в несколько движений распустил завязки на плавках и лифе, для чего пришлось просунуть руку под спину пострадавшей. Та на мои поползновения не среагировала, зато дышать стала вроде как свободней.

– Я вас внимательно слушаю, синьорина Монтанари.

– Нет, ничего...

Проглотила. А ведь наверняка хотела меня извращенцем обозвать, или еще кем похуже. Ладно, бог с ней.

– Если хочешь еще помочь, можешь тело мокрой тряпкой протереть. Быстрее температуру в норму приведем.

– Хм...

– Что еще?

– Не знала, что ты в таких делах разбираешься.

– Ты еще многого обо мне не знаешь, – хмыкнул я. – Я вообще полон сюрпризов. Чезаре, пошли, надо с базой связаться, чтобы лазарет готовили.

– А почему не больницу в Ла Пинца?

– Думаешь, безопасники шутку оценят? Не спорь, сказал лазарет, значит, лазарет. – Не признаваться же, что сам частенько в подобных ситуациях оказывался, и самая большая проблема обычных больниц – плохая защита от репортеров. – Тинка, в случае чего зови. И вообще на связи будь. А если получится, регидратирующий раствор ей дай.

– Si, signore.

–//-

Система: Нуэво Сол

Объект: Колония Терра-Нова

Пункт дислокации: бывшая территория Корпорации STG, остров Ла Пинца, научно-исследовательская база Университета Патриа-Нуэво

13 октября 2168 года

Кажется, я сошел с ума. Какая досада! С чего взял? Да уж было с чего, поверьте...

Началось все еще в море, когда мы с Чезаре затаскивали на экраноплан кусок палубы, незадолго до того послуживший причиной панической атаки Люченате. Весу в нем оказалось порядочно, так что пришлось разложить телескопическую кран-балку, которой коллега управлял отсюда же, с выносного пульта. А я работал стропальщиком, поскольку больше некому было. И первую странность заметил, когда не знаю уже в который раз едва не разрезал ладонь об острый край находки. Именно в этот момент смутные подозрения оформились в догадку, и я принялся уже куда внимательнее рассматривать линию излома. Ну, мне тогда казалось, что это как раз она и есть. А потом выяснилось, что пластик очень чисто срезан под острым углом, причем по всему периметру куска. К тому же в разных точках угол был разным, в строгом соответствии с формой несущей плоскости разрушенного экраноплана. Вторая странность выявилась по ходу дела – плоскость, скажем так, разъема вовсе не была... плоскостью. Если углубиться в технические подробности, то у любой обработанной поверхности всегда есть макро- и микрогеометрические отклонения. Микро – это шероховатость, которую в отдельных случаях можно определить органолептическим методом, то бишь элементарно на ощупь, а в некоторых требуется специальная измерительная аппаратура. К ним же относится так называемая волнистость поверхности, как правило, задаваемая шагом режущего инструмента. Если совсем уж заумно, то шероховатость составляют выступы и впадины, примерно одинаковые по размерам, а волнистость можно определить как неровности, шаг между которыми много больше, иногда на порядок-два, чем их высота. Это как амплитуда и шаг волны. Так вот, поверхность... э-э-э... разъема как раз такой ярко выраженной волнистостью и обладала. Причем заметной даже на глаз. И при этом никаких углов и трещин, характерных для разлома. Даже не знаю, как описать... ну, например, если кусок пластика положить на сковороду, дать ему расплавиться, а потом убрать нагрев и охладить до перехода в твердую фазу. Черт, совсем загнался... короче, если эту пластиковую кляксу со сковороды снять, то можно обнаружить, что нижний ее край в мельчайших подробностях повторяет рельеф дна посуды. Еще такой же эффект бывает при электроискровой обработке металлов, которая позволяет получать углубления сложнейшей формы. А, пофиг, короче. Главное, что такой картины при типичных случаях разрушения пластиковых конструкций не должно быть.

Чезаре, вызванный для верности, мое предположение подтвердил. Точнее, он сказал, что ни разу не специалист, но многократно видел разломанный на куски пластик, и это не наш случай, сто процентов. А поскольку коллега никогда не отличался излишним любопытством (потому и был обслуживающим персоналом, а не ученым), то развивать тему я не стал, разве что припряг напарника помогать с крепежом.

До родной лагуны добрались без приключений, да и на месте особо меня никто не обременял заботами: находку медикам в обстановке строжайшей тайны сдавала Тинка, она же разбиралась с Лу, а я все с тем же Чезаре сгрузил бывший «плотик» рядом с нашим экранопланом на пирс. Таскать его на себе не представлялось возможным, а искать погрузочную технику

я не стал – поздно, рабочий день на исходе. Вместо этого стогнал в лабораторию и притащил малый регистрирующий комплекс в виде «умных» очков, позволяющих фиксировать фото- и видеопотоки, с нехилым зумом и беспроводной связью с лабораторным сервером. Почти такими же мы пользовались при поисках доктора Моро, но эти были более специализированными в ущерб multifunctionality. Чуть ли не обнюхав со всех сторон находку, для чего пришлось еще и домкратами озаботиться, я тщательнейшим образом запротоколировал мельчайшие детали, а потом принялся отколупывать образцы. Пластик оказался стандартным, а потому легко поддался моему дайверскому ножу. А пару кусков я и вовсе выломал, воспользовавшись древними, как мир, пассатижами и молотком с зубилом. А еще осмотрел обломок на предмет всяческих меток, но, к глубочайшему своему сожалению, ничего не нашел. Слишком уж нехарактерное место для нанесения серийных номеров или собственных названий. Даже на телескопической мачте нашелся только логотип производителя, без номеров серии и партии. Что тоже неудивительно – их обычно на этикетках печатают. Так дешевле и проще, чем заморачиваться гравировкой или еще каким способом нанесения надписей на твердую поверхность, пусть и пластиковую.

Покончив с актом вандализма, я переместился в лабораторию, оставив судно на попечение Чезаре. Оказавшись в привычной обстановке в окружении разнообразной (и, что немаловажно, multifunctional) аппаратуры, я принялся прогонять образцы по всем мне известным методикам, просвечивая, озвучивая и пронизывая электромагнитными волнами. Ультразвуковой сканер дал неожиданный результат – в определенном диапазоне частот пластик начал резонировать и выдавать отраженную волну. Я сразу зацепился за этот факт и полез в Сеть. Предположение мое оказалось верным – таки да, на естественный дельфиний писк он мог реагировать аналогичным образом. Ну а те, соответственно, улавливали совсем не то, что ожидали. А неизвестное всегда страшит. Срабатывали инстинкты, и животные впадали в панику, как тот же Лу у нас на глазах. Для верности попробовал повернуть тот же фокус с другим образцом, пожертвовав выдвижным ящиком стола, но обломался – видимо, структура не та. Хотя вроде бы одинаковый пластик... если только под каким-то загадочным воздействием свойства изменил. А что оное воздействие имело место, я уже не сомневался. Очень уж удивительные результаты показал сканирующий электронный микроскоп, а потом еще и спектрограф. Результат, с одной стороны, получил ожидаемый – судя по составу, вполне себе стандартный конструкционный биопластик, процентов восемьдесят местных посудин из такого изготовлено (хоть и резонирует почему-то); а с другой – ошеломляющий. Да-да, именно так. Согласно проведенным исследованиям, материал в плоскости разреза не подвергался никаким известным воздействиям – ни сжимающим, ни растягивающим напряжениям, ни нагрузке на излом, ни нагреву, ни охлаждению, и даже химическим реакциям тоже, поскольку не осталось характерных, например, для травления кислотой микроцарапин и каверн, да и следов образующихся при химических реакциях новых веществ не обнаружилось. Исключительно морская соль и самую чуточку органики – останки фитопланктона. Ни остаточных деформаций, ни следов приложения нагрузки... такое ощущение, что пластик вдруг – сам по себе! – распался даже не на молекулы отдельных полимеров, а на атомы базовых элементов, типа углерода и водорода. Или того хуже, эти атомы развалились на субатомные частицы, как при полной аннигиляции. Вот только быть такого не могло, потому что выделилось бы столь чудовищное количество энергии, что катамаран бы попросту испарился, равно как и сотня-другая кубометров заборной воды. Следовательно, пластик почему-то распался на элементарные частицы. Внимание, вопрос: почему? Вопрос «как?» еще пока даже не стоял на повестке дня. Но ведь фигня же полная!..

Движимый естественным для ученого любопытством, я принялся всячески издеваться над образцами – ломать, прессовать, греть, морозить, пропускать ток, травить в кислотах... и получил на выходе пшик. Самый близкий результат показали кислоты, причем специфиче-

ские, способные реагировать с полимерами, но и здесь меня ждало разочарование: по чистоте и шероховатости полученная поверхность была вполне сравнима с эталонной, то есть на обнаруженном куске, да вот незадача – лабораторный сканер легко обнаружил и новые фазы, и новые вещества на прореагировавшей поверхности. И даже после того, как я тщательно промыл образец в морской воде. А потом еще и в растворителе – один фиг, следы новообразовавшихся веществ оставались. А на найденном куске – нет. Вот такая незадача.

А еще... как бы это попроще... короче, даже если я умудрялся погружать образец в кислоту по микрометрам, все равно не получалось заставить прореагировать весь материал в погруженном слое. Реагировал пластик по периферии и чуть по бокам, на сколько доставала кислота. А на исходных пробах таких переходных областей не было вовсе. Просто вообще. Как такое получилось, ума не приложу, ведь кусок плоскости экраноплана, когда мы его нашли, был по краям погружен в воду, вытеснив, как и положено по закону Архимеда, некий объем жидкости, достаточный для того, чтобы возникла архимедова сила. А до того, получается, он лишь касался воды (или какой-то иной среды, разъевшей его). Воды... точно! Вот что мне волнистость напоминает! Как легчайшая рябь в практически полный штиль. Но ведь это невозможно! Не вода же его растворила, в конце-то концов?!

– Да чтоб тебя!!!

Это что же получается, современная наука данный феномен объяснить не в состоянии? Н-да... а ведь если бы я жил в веке этак четырнадцатом от Рождества Христова, у меня бы уже и тени сомнения не осталось... но ведь не может быть! Этого не может быть, потому что не может быть никогда! Кто это сказал? Не помню... и вообще, хорош на сегодня, надо или с кем-нибудь поделиться бредовой идеей, или поискать ее подтверждение в других источниках. Пойду-ка я домой, местную Сеть пошерстить надо, и, боюсь, не получится обойтись исключительно легальными источниками информации. А, не в первый раз! «Имаджиновский» комп в помощь. Ни один местный файерволл против него не устоит.

– То-о-ни!.. Ты здесь?..

– Ага.

– А что это ты до сих пор в лаборатории торчишь? – поинтересовалась Тинка, просунувшись в дверь.

Так-то она культурная и даже в какой-то мере интеллигентная, без стука старается не входить, или на крайняк разрешение спрашивает. А сейчас просто удивлена, но все равно деликатность проявляет, пусть и в оригинальной форме.

– Заходи уже, – хмыкнул я, массируя виски. – Ты, кстати, вовремя.

– Хочешь меня своими проблемами загрузить? – усмехнулась девушка. – Вот только не выйдет. Я сегодня физически не способна думать.

– Только сегодня?

– Stupido!

– Да ладно, не ругайся. Лучше послушай...

– Нет, нет и нет! – Тинка таки вошла в кабинет, демонстративно остановилась в паре шагов от меня и не менее демонстративно топнула, не сдержав эмоций. – Хватит на сегодня. Я требую, чтобы ты уделил мне внимание. Ты же вроде бы мой парень?

– Хм...

– И только попробуй ляпнуть, что не уверен!

– Я заинтригован...

– Сам хотел, чтобы все было по правилам, так что терпи!

– Я хотел?!

– Ах, так?! – метнула Тинка глазами молнию. – Я сейчас же все расскажу papà, и он тебе insegnerà una lezione[9]!

– А папа у нас кто?

Не то, чтобы я опасался, но все-таки не помешает быть готовым ко... всякому, хм.

– Он у меня саро grande[10] в Морском патруле! А урок, если ты еще не понял, будет по боксу!

Ой, боюсь, боюсь!.. Ладно, главное лишнего не ляпнуть.

– Примите мои искренние извинения, синьорина Монтанари. Конечно же, я сегодня полностью ваш. Помыкайте мною, я в вашей власти.

– Дурак!

Еще какой... но ведь реально помогло! Голова раскалываться перестала, да и вообще... права Тинка. Надо отвлечься. И время подходящее, и место... и никого уже наверняка в лаборатории. Кроме, естественно, нас двоих. Вот только прилечь негде, даже завалящей кушетки нет... а на пол не вариант, халатик изгваздаем...

– Ты чего застыл?

– А?..

– Немедленно подними свою culo[11] со стула и поцелуй меня! Ну, я долго еще ждать буду?!

А вот это мне уже нравится.

– Да, моя госпожа. Незамедлительно, моя гос...

Все-таки перегнул палку. Вернее, не учел итальянский темперамент своей дамы сердца – Тинке надоело ждать, и она сама перешла к решительным действиям, то бишь чуть ли не за шкуру вытянула меня из кресла, обвила шею руками и заткнула меня весьма приятным способом – поцелуем. Некоторое время мы самозабвенно предавались этому занятию, а потом она отстранилась и заглянула мне в глаза:

– А если серьезно, Тони, что тебя гложет?

– Импотенция...

– ?!

– ... научная, – закончил я фразу. – Понимаешь, по всему выходит, что мы на что-то странное натолкнулись. Вот, смотри...

Разъяснить Альбертине подробности удалось быстро – все-таки она опытный ученый, пусть и не технарь. Но зато схватывала все буквально на лету, а в химии могла дать мне фору, так что мои выкладки насчет кислоты она подтвердила. А со всем остальным просто согласилась, искусно поддакивая и охая от удивления в нужных местах. Короче, совместила приятное с полезным – мало того, что меня выслушала, так еще заодно и потроллила. Ну и ладно, меня не убудет. Зато настроение у обоих заметно улучшилось. Особенно когда я все-таки озвучил безумную теорию.

– Ну ты сказанул! – отсмеявшись, заключила Тинка. – Алкагест... надо же... алхимик доморощенный.

– Ладно, ладно, сдаюсь, – пошел я на попятный, снова развалившись в кресле. – Загнал, чего уж там. Зато хайку в тему сочинил. Вот, послушай.

Руки в ожогах,

Безумством пронзает взгляд.

В раздумьях алхимик.

– И?..

– Все.

– В смысле все?

– В прямом. Это такая традиционная японская поэзия.

– А в чем соль? – все-таки заинтересовалась Тинка.

– В трехстишии описать какой-то конкретный момент из жизни, – пояснил я. – Типа, остановись, мгновение, ты прекрасно.

– Понятно, – покивала девушка. – Слушай, так ты еще и поэт?

– Да так, скорее балуюсь...

– А почему японская поэзия? Ты же вроде из этих, как их... скандинавов?

– Скальдическую поэзию не осилил, – поник я, мучимый дежавю. Точно, проффу примерно то же рассказывал. – Слишком сложно. Или я бездарь. Занялся тем, что полегче.

– Эй, так это ты на стене у Марко ту хрень про штангу нацарапал! – озарило Тинку. Я в ответ скромно потупил взгляд, дескать, да чего уж там...

– А вот там, кстати, классно получилось.

– Польщен. Слушай, а чего ты стоишь? Пошли ко мне на коленочки...

– Еще чего! – возмутилась девушка. – Нечего глупости всякие выдумывать. И вообще, помни про рарà и его уроки! До завтра, синьор Свенссон!

– Тин, погоди!

– Чего еще? – обернулась та от двери.

– Ты чего вообще приходила-то? Новости вываливай, а то отвлек я тебя.

– Да какие новости! – отмахнулась Альбертина. – Я только что из лазарета, с доком Росси разговаривала.

– Что, решили городских медиков не подтягивать?

У нас-то, конечно, в плане репортеров получше, чем в больнице, но зато с персоналом не так хорошо дело обстоит. Я почему-то думал, что проф кого-то из нормальных медиков привлечет, хоть и в обстановке строжайшей секретности.

– Ага, Синтии хватило.

Ну да, она у нас многостаночница – мало того, что главный ветеринар, так еще и по людским болезням неплохой специалист. По крайней мере, за терапевта спокойно в любой поликлинике сойдет.

– Короче, она сказала, что мы все правильно сделали. А потом эмёрдженси подъехали, так они тоже диагноз подтвердили и заявили, что нечего находку лишней раз туда-сюда таскать, пусть в нашем медкомплексе отлеживается. Обещали, что завтра в себя придет.

Ага, эмёрдженси. Скорее безопасники, они такие случаи на контроле держат, и их первым делом оповестили. Хотя агентов я особо и не заметил. Наверное, штатным персоналом ограничились – не может быть, чтобы хоть кто-то из служащих не принадлежал к скрытному племени сексотов.

– А до сих пор не приходила?

– Полностью нет. Полуобморочное состояние, но она потихоньку справляется. А потом Синтия всех выгнала и сказала, чтобы до завтра никто к ней не приставал.

– Понятно... пойдём домой?

– Обязательно! Меня не провожай, ты и так уже все, что мог, получил!

Вот язва! Ну и ладно... хотя жалко, конечно. Впрочем, мне и одному дома есть чем заняться. Причем чем-то таким, для чего казенный рабочий терминал не заюзаешь. Надо кое-какую мыслишку проверить... и бог с ней, с Тинкой. Хотя все равно досадно...

–//–

Система: Нуэво Сол

Объект: Колония Терра-Нова

Пункт дислокации: бывшая территория Корпорации STG, остров Ла Пинца, научно-исследовательская база Университета Патриа-Нуэво

14 октября 2168 года

Сегодня в кои-то веки проснулся не от света, лезущего в глаза, а от страшного грохота, бьющего по ушам. Да и, должен признать, вряд ли бы мне жалкий солнечный зайчик помешал – слишком уж вымотался. Спать-то лег, дай бог памяти, в четвертом часу утра (не забываем про плюс два часа к стандартным суткам!), и то лишь по той причине, что мозг отказался воспринимать новую информацию. Про песок под веками молчу. А проспал всего... черт, где

смарт? Что?! Вот какой заразе приспичило меня в полдесятого будить?! Я рассчитывал давить на массу минимум до полудня... но нет, придется вставать – рекомая зараза попалась упорная. А еще сильная и безбашенная, того и гляди, дверь из косяка вышибет.

– Да иду уже, чтоб тебя!!! – в сердцах запустил я подушкой в сторону входа.

Попасть не попал, но все равно на душе стало чуточку легче. Так что взял себя в руки и мужественно, хоть и в полубессознательном состоянии, выбрался из кровати. Машинально себя обхлопал, убедился, что одет (сил не хватило стянуть шорты с майкой перед сном) и поплелся открывать.

– Плохо выглядишь, Антонио! – жизнерадостно сообщила мне ухмыляющаяся во все тридцать два зуба Тинка. – Не выспался?

– Да чтоб тебя!.. – сквозь зубы прорычал я, но все же постарался изобразить нечто вроде приветливой улыбки. Правда, не получилось – раззявил пасть в могучем зевке. – И чего так рано приперлась... хм... явиться изволила?

– Вот, уже лучше! – похвалила Тинка. – Что, так и будешь держать девушку на пороге?

– Ага, – мстительно усмехнулся я. – У меня бардак, так что изви-и-и-ни!..

– Да хватит уже зевать!

– Ничего не могу с собой поделать. Смирись. Или подожди, пока умоюсь.

– Подожду.

– Куда!!! – Я умудрился вовремя перекрыть проход и оттеснить незваную гостью от двери. – Здесь жди, сказал!

– Ну и ладно! – демонстративно надулась Альбертина. – В следующий раз сам звать будешь, не пойду.

– Мечты, мечты, как вы прекрасны!

Прикрывшись от метко брошенного Тинкой камня дверью и болезненно сморщившись от очередного удара по барабанным перепонкам, я кое-как добрался до ванной и принялся увлеченно плескаться над раковиной. Прохладная вода помогла не сразу, но все же через некоторое время я, пусть и отдаленно, но стал напоминать человека. Правда, побриться себя так и не заставил, ограничившись чисткой зубов. Зато зевать то и дело перестал. В общем, можно сказать, что минут через десять я предстал перед заскучавшей синьориной Монтанари во всей красе – умытый, расчесанный (пятерней ежик растрепал, и готово) и даже в свежей одежде. Ну, не особо мятой, я имею в виду.

– Оделся бы нормально, что ли, – нахмурилась Тинка при виде меня. – В приличное место идем.

– Это в какое?

– А я разве не сказала?

– Хм... а действительно... вы чего изволите в такую рань меня будить, а, барышня?

– Находка наша очнулась, – снизошла до пояснения утренняя гостья. – И изъявила желание пообщаться со спасителями. Чезаре наотрез отказался, так что остались только мы с тобой. Но если тебе не интересно, можешь дальше дрыхнуть.

– Да теперь уж вряд ли...

– Вот-вот! И хоть бы спасибо сказал!

– Не за что. Походу, Чезаре самый умный оказался, не гонится за дешевой популярностью. Там ведь наверняка от журналюг не протолкнуться.

– Тыфу ты! – отвернулась Тинка. И снова буркнула: – Нет там никого. Но оденься приличней!

Делать нечего, пришлось влезать в джинсы и более-менее нейтральную футболку. Топсайдеры где-то валялись, искать было лениво, так что сунул ноги в кроссовки-сникеры. Тоже нормальный вариант, бежевая классика. Как говаривал в таких случаях тренер дед Коля, и в пир, и в мир, и в добрые люди. За звездюлями, хе-хе. Причем последняя фраза его эксклюзив.

- Все, пошли.
- Не беги так! – возмутилась Тинка, подстраиваясь под мой шаг. Правда, долго не вытерпела и попросту взяла меня под руку, повиснув чуть ли не всем весом.
- Пришлось чутко замедлиться и сделать вид, что так и было задумано.
- Она хоть где?
- В медбоксе, где же еще!
- В палате какой? Журналюг, говоришь, нет, по кому ориентироваться-то будем?
- Номер не помню. Держись за мной, не промахнемся. А еще там док Синтия вместе с нашим профом.
- А Спанидис-то что там делает?
- Фиг знает. Может, просто в начальство играет.
- Это на него похоже, да.
- А это, часом, не он тебя за мной отправил? – подозрительно покосился я на спутницу. – Что за дела вообще?
- И обо всем-то он знает! А если и отправил, то что? Не пойдешь?
- Пойду, конечно, – вынужден был признать я. – И, так понял, наша суровая докторша дала добро на беседу?
- Насчет журналюг, конечно, не ей решать, а вот персонал базы пребывал в полной власти доктора Росси.
- Именно.
- Слушай, а я вот понять не могу... где копы?
- Кто?
- Карабинеры.
- А им тут что делать?
- Ну как же... у нас тут самый большой инфоповод крайней недели отдыхает, а охраны нет... или никто еще не в курсе?!
- Н-да. Знал я, что здесь бардак, граничащий с беспределом. Но не до такой же степени!
- Копы тут вообще ни при чем, – отрезала Тинка. – Это вне их юрисдикции. Эмёрдженси вчерашние им сообщили, те зафиксировали факт и успокоились. В утренних новостях передали, что Франсин Моро найдена в море, сейчас проходит реабилитацию. Кто, где, зачем – секретная информация. Расследованием занимается Морской патруль. Их следователь уже ушел, но, судя по его роже, док ему на уши спагетти навешала.
- А ты, похоже, ею восхищаешься?
- Есть немножко, – смутилась моя спутница. Но тут же разразилась пламенной речью: – Тони, пойми, это же сама Франсин Моро! Она знаменитость! Не просто крупный ученый с мировым именем, она еще и медийная персона! Я ее фанатка! И я наконец с ней познакомилась!!! Она такая классная! Ты не представляешь, каких усилий мне стоит сдержаться и не позвонить прессе! Или хотя бы в своем блоге фотки запостить! Представляешь, сколько всего интересного она может рассказать?!
- Спагетти, говоришь? А что ей помешает проделать то же самое и с нами?
- Тинка на мгновение смутилась, потом все же выкрутилась:
- Наш интеллект и моя чуйка. А еще опыт профессора Спанидиса.
- Угу. Блажен, кто верует.
- Чего?
- Не обращай внимания. Могла бы и предупредить, я бы детектор лжи захватил.
- А у тебя есть?! – загорелась идеей Тинка.
- Конечно! И не один. Утюг и паяльник называются.
- Дурак!..
- Вот и поговорили. А заодно и до медбокса как-то незаметно дошагали.

– Доброе утро, профессор!

– День добрый, молодой человек. – Проф как обычно сама галантность и пример хорошего вкуса – костюм, галстук, трость. Такому захочешь соврать, и не сможешь. – Готовы пообщаться со спасенной?

– Почему бы и нет? – пожал я плечами. – Блин, надо было все-таки побриться...

– Да ладно, так ты даже симпатичней, – подбодрила меня Тинка. – По крайней мере, я бы спросонья тебя не испугалась. Ну, наверное...

Язва, чтоб ее. А вообще пофиг, соблазнение спасенной красавицы (со скидкой на измождение и костлявость) у меня в плане на сегодняшний день не значилось. Главное, чтобы у нее память не отшибло, страсть как хочется подтверждение своей теории получить. Пусть безумной, но пока что единственной, хоть что-то (и хоть как-то!) объясняющей.

Доктор Франсин Моро нашлась в палате под номером три, если это кому-то интересно. Ничем не примечательная комнатуха с унылыми серыми стенами – здесь даже не потрудились краситель в пластик замешать при строительстве. Из мебели необходимый минимум: кровать, тумбочка, пара табуретов и шкаф. И никакой громоздкой аппаратуры, за исключением кондиционера над окном, прикрытым горизонтальными жалюзи. Но это здесь тоже стандарт, как я заметил. Все насквозь типовое и лишенное хоть какой-то индивидуальности. Серое. Да и пациентка обстановке под стать. Если честно, я ее не сразу и заметил – бледные шелушащиеся щеки и выгоревшие до белизны волосы терялись на фоне подушки, простыней и больничной пижамы. Выделялись только глаза – то ли глубокой синевой, то ли фанатичным блеском. А на контрасте с местными барышнями – доком Росси в накрахмаленном белом халате и Тинкой в розовой блузке, светлых бриджах и босоножках – наша нечаянная находка и вовсе выглядела болезненно-изможденной.

– Доброе утро, доктор! – поприветствовал я Синтию. – Прохладно у вас.

– Это для пользы пациента, – строго глянула на меня докторша. – Доброе утро, Энтони.

– Доброе... э-э-э... здравствуйте! – нашелся я, переключившись на обитательницу палаты. – Меня зовут Анте Свенссон, я аспирант профессора Спанидиса. Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов. Если вы не против, разумеется.

– Не против, – качнула головой женщина. – Я доктор Франсин Моро, Институт морской биологии Университета Патриа-Нуэво.

– Да я вас сразу узнал, если честно, – не стал скрывать я. – Два дня ваши фотки глаза мозолили на каждом втором сайте. Хоть и выглядели вы, коллега, несколько... помято.

– Я и сейчас не в лучшем виде.

Надо же, кокетничает! Но, если честно, больше удивило не это, а голос пострадавшей – сильный и твердый, с приятной хрипотцой. Если у Тинки меццо-сопрано, то у этой ярко выраженное контральто, которое удивительно шло худощавой блондинке.

– Вы тоже биолог? – не осталась в долгу Франсин. – Коллега Тины, стало быть?

– Нет, я биофизик.

– Присаживайтесь, Анте, пообщаемся.

Ага, вроде есть контакт. Уж если после визита следователя из Морского патруля она желания поговорить не утратила, то по-любому что-нибудь, да расскажет. И настроена дружелюбно – все-таки я спаситель. Что ж, грех будет не воспользоваться ее расположением... еще бы присесть, как она и предложила... вот только оба стула заняты.

– Я, пожалуй, пойду, – напомнила о себе доктор Росси. – Не заставляйте пациентку нервничать и не утомляйте ее. Альбертина, я на тебя надеюсь.

– Да, док.

Умница девочка. Умеет, когда нужно, под сильных мира сего прогнуться. Насколько я знал дока Синтию, той ничего не стоило остаться и взять на себя роль штатного цербера. И

фиг бы мы чего интересного узнали. Жаль только, что докторша все это время стояла, так что лишний табурет с ее уходом не освободился. Ну и ладно.

– Вы не против? – поинтересовался я у Франсин, показав взглядом на кровать у нее в ногах.

– Присаживайтесь, – разрешила та. Дождалась, когда все, включая меня, устроятся поудобнее, и спросила: – Что именно вас интересует?

– Может, сами расскажете, что считаете нужным? – подал голос излишне деликатный профессор. – Ведь это ваша инициатива побеседовать со спасителями.

– Боюсь, получится так же, как и с господином из Морского патруля, – горько усмехнулась женщина. – Лично от себя я лишь могу выразить глубочайшую признательность. Спасибо, ребята. Обещаю сделать все, от меня зависящее, чтобы вы не остались без награды. Уверена, что банальные деньги вам не нужны, так что думайте. А насчет рассказа... вы лучше вопросы задавайте.

– Профессор, позвольте? Спасибо. Франсин, скажите... мы нашли вас на надувном плотике из аварийного комплекта. А куда делся катамаран, не помните?

– Утонул, – пожала плечами женщина. – Это же очевидно.

Н-да. Поторопился я насчет «желания сотрудничать».

– А что стало причиной... хм... затопления? Не мог же он просто взять и утонуть? К тому же вы успели воспользоваться спасательным плотиком. Вы ведь попали в тот страшный шторм с цунами, не так ли? Но почему вы не попробовали от него уйти? В конце концов, переждать его на берегу? У нас же здесь не океан, суша всегда в пределах досягаемости.

– Вы говорите совсем как господин из Морского патруля, – слабо улыбнулась доктор Моро. – А на самом деле все просто – предупреждения о непогоде не было.

– Франсин... давайте не будем лукавить. Если бы вы были настолько неопытны, чтобы не определить приближение шторма, вас бы просто не выпустили в плавание.

– Шторм начался внезапно.

Врет, однозначно врёт. По глазам видно, хоть она и пытается напустить на себя безразличный вид. Ладно хоть не злится и вообще разговаривать не отказывается.

– Не верите? – правильно истолковала мою заминку женщина. – Я бы вам сказала... правду. Ну, по крайней мере попыталась бы... но у вас реакция типовая. Следовательно воспринял мой рассказ как бред, а мне не хочется снова почувствовать себя полной дурой.

Ага, я же говорил! Кста-а-ати!

– Профессор, можно вас на секундочку? На конфиденциальный разговор.

– Это не очень вежливо по отношению к дамам, Антониос, – укоризненно глянул на меня тот.

– Дамы нас извинят. Ведь правда, дамы?

Дамы согласно покивали, хотя и было видно, что Тинку снедает любопытство и согласилась она лишь из солидарности с пострадавшей ученой. Или в надежде, что я потом все равно проболтаюсь, о чем речь шла. Короче, препятствовать нам они не стали, и я деликатно увлек Спанидиса в коридор.

– Профессор, скажите, а про найденный обломок в Морской патруль уже сообщили? – поинтересовался я, едва за нами закрылась дверь.

– Естественно. Уже приезжал эксперт, он был вместе со следователем.

– Ну и?..

– Что «и»? Будьте последовательны, Антониос! Я решительно не понимаю, чего вы от меня пытаетесь добиться.

– Заключение какое?

– Обломок несущей плоскости экраноплана катамаранной схемы класса «Мурена». Принадлежность не установлена.

– А вы не думаете, что это мог быть обломок катамарана Франсин? В новостях передавали, я помню – у нее был такой же. Или кто-то еще в то же время потерпел бедствие на судне аналогичного класса? Тогда почему об этом молчали?

– А если предположить, что обломок давнишний? Это что-то меняет?

– Возможно. И очень многое. Мне важно установить, что этот обломок принадлежал именно пропавшему катамарану доктора Моро.

– Я даже не знаю... могу, конечно, позвонить эксперту, сказать, что у нас есть новые данные. Но ведь мы ничего не можем доказать. Одно дело, если бы вы нашли доктора Моро на этом обломке... но ведь обе находки независимы друг от друга, и удалены на достаточно большое расстояние. Прямой связи нет, принадлежность не установлена. Время пребывания обломка в воде определить проблематично. Суд это однозначно не учтет.

– Да сдался мне этот суд...

– А для чего еще вам экспертиза, Антониос?

– Чтобы подтвердить мою гипотезу.

– Подробнее, пожалуйста.

– Давайте тогда в палату вернемся, чтобы дважды не повторять.

Профессор не возражал, и вскоре мы снова устроились на своих местах, проигнорировав любопытные женские взгляды. Впрочем, и долго испытывать их терпение я не стал.

– Франсин, скажите, пожалуйста, а какой именно плотик вы использовали? Где он лежал?

– В аварийном наборе у мачты, – удивленно покосилась на меня та. – А что?

– Да так... совпадение. Незадолго до вашего спасения мы нашли в море обломок катамарана. Если точнее, кусок несущей плоскости с мачтой. Мачта была сложена, а вот лючок аварийки открыт, и ниша пуста. Может это быть обломок вашего катамарана?

– Почему нет? Но я не понимаю, что из этого следует...

Понимает, еще как понимает! Глаза выдают.

– Сейчас объясню, – пообещал я. – Только давайте сначала условимся: все, что я скажу, не более чем гипотеза. И к тому же с важным допущением – мы считаем, что это обломок именно вашего катамарана. Потому что если нет, то все мои слова потеряют смысл. В общем, нашли мы этот кусок пластика, вернее, на него среагировал наш дельфин – запаниковал. Начали выяснять, почему, и наткнулись на... хм... артефакт. Я прыгнул в воду и подплыл к нему, чтобы осмотреть вблизи. И когда забрался на него, заметил одну странность...

Речь я вчера обкатал на Тинке, так что сейчас уложился куда быстрее. Да и коллега не вмешивалась, поскольку ей было не интересно. А вот проф то и дело хмурился, скептически поджимал нижнюю губу и заламывал бровь. Но ничего не сказал – деликатный.

– ... поэтому я в полном тупике, – округлился я. – Такое ощущение, что ваш экраноплан попросту растворился в воде. Опять же, если допустить, что это обломок именно вашего судна. Но ведь этого же не может быть?

– Звучит как вопрос, – снова усмехнулась Франсин и глубоко задумалась. Потом кивнула какой-то своей мысли и решительно заговорила: – Похоже, с вами все же будет проще, чем с господином из Морского патруля. Вы хотите правду? Так слушайте. Если честно, я до сих пор сама себя спрашиваю о том же. И сама себе не верю. Но вы, Анте, облегчили мою задачу. Подвели, если позволите так выразиться, научное обоснование под откровенный бред. Потому что именно так все и было – катамаран в какой-то момент начал испаряться.

– Вот прямо так внезапно? – не утерпела Тинка.

– Да, – подтвердила доктор Моро. – Я не сразу это заметила. Просто на море было очень тихо... даже не покачивало на волне, как это обычно в проливах случается... как глаз бури... только без бури...

– А рябь улеглась также внезапно, или какие-то предпосылки были? – посчитал нужным вступить в беседу проф Спанидис. – Вы же не спроста такую аналогию выбрали? Глаз бури... это подразумевает, что сначала была непогода.

– Если вы намекаете на шторм или что-то такое, то нет. Шторм был после, когда я решила, что валяться на обломке не самая лучшая идея и достала плотик. Думала на нем до ближайшего острова догresti, да не успела – разразилась непогода, потом налетела огромная волна... а потом я почти ничего не помню. Так что еще раз спасибо вам огромное, ребята, за спасение. Извините, отвлеклась... так вот, стояла самая обычная нормальная погода, почти штиль. «Почти», потому что когда дошел этот самый «глаз», я поняла, что такое настоящий штиль. – Франсин откинулась на подушку и смежила веки, как будто восстанавливая перед внутренним взором сцены из недавнего прошлого. – Просто наступил мертвый штиль. Абсолютно никакого движения воздуха... проклятье!..

– Вы что-то вспомнили? – встрепенулась Тинка.

– Да... кажется. Только теперь осознала: ветер был, очень легкий, едва ощутимый, но был. И он никуда не делся, когда море успокоилось. Экраноплан перестал покачиваться, и одновременно вода начала светлеть... я пошла к борту, посмотреть, что там... – Женщина прикрыла глаза руками, силясь отогнать неприятные воспоминания, но не преуспела в этом. – Такое ощущение, будто что-то приближалось... из глубин. Что-то большое и светящееся... свет такой... рассеянный... мягкий... молочный.

– Как это?

– Не знаю, как точнее описать... но было полное ощущение, что вода за бортом превратилась в молоко. А потом в это молоко влили еще что-то, причем не помешивая. Такими отчетливыми клубами, как туман... и он какое-то время удерживает форму, а потом растекается, сливаясь с базой... как две жидкости, которые начинают взаимно растворяться друг в друге. Потом до меня дошло, что туман серый, а катамаран как будто стал ниже.

– Хм... не самая типичная картина, – задумчиво буркнул я. – Зато подтверждает мою теорию. То есть пластик растворился в воде, причем очень быстро и очень равномерно, как будто связи между отдельными молекулами, а потом и атомами, внезапно распались. Но что могло так воздействовать на полимер? Явно не простая вода, пусть и соленая...

– Я в тот момент о таких мелочах не думала, – со вздохом призналась доктор Моро. – Если честно, я испугалась. А потом, когда поняла, что палуба опускается все ниже с каждой секундой, чуть сознание от ужаса не потеряла. Вроде бы я кричала... а потом... знаете, я ученый и к мистицизму не склонна. Я бы даже характеризовала себя как атеиста. Но тогда вдруг вспомнила молитву, которую пару раз в детстве слышала от бабушки, и начала молиться. Поверьте, настолько искренней я еще ни разу не была. Ни с кем, не говоря уж о такой абстрактной сущности, как Бог.

– Беденькая... – шмыгнула носом Тинка.

А вот профессор, напротив, являл собой воплощенный скепсис – сидел, скрестив на груди руки, и недоверчиво кривил губы. И я его понимал, потому что еще вчера сам бы точно также реагировал.

– И что же было дальше? – все же не вытерпел Спанидис.

– Не помню... я молилась... наверное, не очень долго, потому что катамаран растворялся довольно быстро... но молитва кончалась, я начинала заново... похоже, я была в трансе. А потом осознала, что меня покачивает, но я не в воде. Открыла глаза и увидела, что экраноплан растворился почти полностью, остался небольшой кусок, и я в самом центре. А вокруг обычная вода, с обычной рябью. Безбрежная гладь. Безмятежная. В этот момент меня до глубины души поразил контраст между ожиданием неминуемой смерти и... пасторалью, иначе не скажешь. Кажется, я начала хохотать, как безумная... а потом навалилась апатия, и я упала в обморок. Ну, мне так кажется. Потом очнулась, еще раз ужаснулась произошедшему и поняла, что нужно

что-то делать. Достала плотик, перебралась в него и стала грести наугад. Сначала все было хорошо – плотик хотя бы волны не захлестывали... а потом начался шторм... и все, дальше одни кошмарные обрывки.

– Это самая странная история, какую я когда-либо слышал. Уж извините, госпожа Моро.

– Вы имеете полное право мне не доверять, профессор, – устало улыбнулась женщина. – Я сама уже не верю. Все это кажется дурным сном. Особенно второй и третий день, как теперь выяснилось. Я-то счет времени потеряла, такое ощущение, что постоянно в забытье находилась...

– Это на вас так тепловой удар и обезвоживание отразились, – блеснул я медицинскими знаниями.

– Да, доктор Росси сказала то же самое. А еще сказала, что мне повезло. Нашли меня вовремя. Еще день, и обезвоживание перешло бы в тяжелую форму. Так что большое вам спасибо, Анте.

– Да будет вам, – смутился я. Не привык как-то, чтобы меня персонально за спасение чьей-то жизни благодарили. И, если честно, подобного опыта у меня раньше не было. – Я же не один участвовал. А вообще вам бы дельфинов поблагодарить. Если бы не они, мы бы даже и не подумали в тот район наведаться. А так начали анализировать причины их паники...

– Дельфинов? – удивилась Франсин.

– А вы что, их не видели? Ну, когда все эти... чудеса начались?

– Если честно, Анте, то не припоминаю... может и резвились где-то рядом... но я больше за шепчущим китом наблюдала. Я же специалист по эндемикам, привнесенные виды меня мало интересуют.

Оп-па! Опять шепчущий кит.

– А зачем? – немедленно уцепился я за обмолвку. – Если не секрет, конечно.

– Я их изучаю, – пожала плечами женщина. – Они тема моей исследовательской работы.

– Надо же, – усмехнулась Тинка, – моей тоже.

– Так мы с вами коллеги?

Вот тебе и шанс, девочка моя! Не... пролюби, если деликатно выразиться.

– Возможно.

Ну вот. Могла бы и прогнуться, и намекнуть, что не отказалась бы от консультаций, да и вообще... может, вторым руководителем подпишетесь? Ведь реально сработало бы, даже я это понял. Так нет, гонор решила показать!

– Почему же я тогда не слышала о такой молодой и перспективной девочке?

Тинка вспыхнула, едва удержав язык за зубами, и я немедленно пришел ей на помощь:

– Наша Альбертина не только умна не по годам, но еще и необыкновенно скромна. И не спешит обнародовать свои, несомненно, грандиозные достижения.

– Действительно?..

– Рано ей, – подключился проф. – Мы пишем большую статью, но работа пока не завершена. Поэтому я как научный руководитель запретил ей раньше времени рассекречивать результаты.

– Ага, – энергичным кивком подтвердил я, проигнорировав Тинкин кулак, который она втихаря мне продемонстрировала. Не впечатляет ни разу. – Это будет бомба, попомните мои слова, Франсин! Перед нами, возможно, будущее светило науки Терра-Нова. А может и межколониального уровня, если я ее на Новый Оймякон сумею вывезти.

В качестве трофея, блин. Но этого я, естественно, вслух говорить не стал. А вообще не дай бог, конечно. Просто мыслишка шальная, не более того. Рано мне еще остепеняться, хотя маман, несомненно, была бы рада.

– Я очень польщена знакомством, – с непробиваемой серьезностью сказала Франсин. – И постараюсь запомнить этот день, юная коллега.

Ч-черт, ведь до белого каления сейчас Тинку доведет! Зараза какая, а? Вроде бы только что чуть ли не в обмороке валялась, а уже более молодую и перспективную потенциальную соперницу троллит. Очки в моих глазах зарабатывает? А зачем? Да не, фигня... не может она уже на меня планы строить... скорее, как раз Тинку на психологическую устойчивость проверяет. Да чтоб этих баб!

– Так что скажете, Анте? – переключилась на меня доктор Моро. – Подтвердила я вашу теорию?

– В какой-то степени. – Не знаю почему, но в голове упорно крутилась мысль про дельфинов. Ведь чего-то же они испугались. Если вообще поблизости были. Могли, кстати, от того самого обломка шугануться, как Люченге. – А скажите, Франсин... не было ли еще каких-то... э-э-э... спецэффектов?

– Что вы имеете в виду, Анте?

– Я не знаю... звук, вибрация, запах...

Женщина снова задумалась, потом отрицательно помотала головой.

– Уверены?

Ответом мне стало пожатие плечами. Оно и понятно. Хотя человек и является универсальным регистрирующим комплексом, возможности его ограничены. Тот же слух – мы воспринимаем лишь определенный диапазон частот. А дельфины ультразвук слышат, например. Тьфу, опять дельфины!.. А есть еще инфразвук, не воспринимаемые человеческим глазом спектры излучений, да много всего. Что-то вполне могло быть. Если вся эта история вообще Франсин не привиделась в горячечном бреду.

– А не допускаете ли вы связи между шепчущим китом и этим... загадочным явлением, скажем так?

– Как вы себе это представляете, Анте? Кит выделил какое-то вещество в окружающую среду?

– Алкагест.

– Что, простите?

– Алкагест, – повторил я. – Я понимаю, что звучит бредово, но признайте – очень похоже. Ваш катамаран растворился. То есть если это допущение верно! – уточнил я специально для профессора. – Считанные секунды, и нет его. Ра-ство-рил-ся! А поскольку незадолго до этого растворяться он не собирался, я делаю вывод, что в забортной воде появилось какое-то вещество, обладающее свойствами абсолютного растворителя, сиречь алкагеста.

– Альбертина, а ты чего киваешь? – ожил профессор Спанидис. – Вот от кого, но от тебя не ожидал...

– Но ведь все логично, профессор! – вскинулась Тинка. – Я вчера тоже его на смех подняла, но теперь у нас есть свидетель! Свидетельница.

– Я бы не стал безоговорочно доверять свидетельским показаниям. Кто знает, каково было психическое состояние доктора Моро в стрессовой ситуации? Может, все это лишь плод больного воображения? Извините, госпожа Моро. Но можете ли вы исключить воздействие на вас... скажем, каких-то психотропных средств? А может, вы просто перегрелись, и у вас начались галлюцинации?

– Я уже ни в чем не уверена, профессор...

– Вот видите!

– ... но удар или еще какое-то физическое воздействие я бы почувствовала. Мой катамаран не садился на мель, не врезался в другое судно, в него не стреляли ракетами. И торпедами тоже, если вы намекаете на пиратов, как господин из патруля. Никаких внешних воздействий. Просто он начал по какой-то причине распадаться на элементарные частицы. Хотите верьте, хотите нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.